

Вероника Орлова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

За зеркалами

Запретная страсть. Любовный роман. Эротика

Annotation

В тихом городе появился серийный маньяк, зверски убивающий мальчиков. Следователь Ева Арнольд впервые сталкивается с такими жуткими преступлениями и впервые позволяет чувствам вмешаться в следствие. Ведь подозреваемый – король бездомных, Натан Дарк, против которого все улики, просит довериться ему. Ева с ужасом понимает, что влюбляется в подозреваемого. Но всё не так однозначно. И, может быть, Натан Дарк вовсе не преступник, а жертва... И с Евой играют в беспощадную игру на выживание. В оформлении обложки использована фотография автора romancesphotos (Jason Vasa) с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

Глава 1. Натан

– Ах ты грёбаный ублюдок, – сильный удар мокрой, вонючей после мытья общественного туалета тряпкой по лицу, – мелкий сукин сын, – ещё один удар, на этот раз – огромной лапой с широко расставленными жирными пальцами по щеке, и у мальчика невольно выступают слёзы на глазах. Он прикусывает нижнюю губу, чтобы не разрыдаться, и медленно отходит назад.

– Куда это ты намылился? Думаешь, сбежать?

Отец...даже в мыслях Натан поперхнулся этим словом...он надвигается на него, схватив с пола ведро с водой, и ребёнок, испуганно качая головой, отступает.

– Иди сюда, крысёныш, я тебя научу смотреть под ноги.

Мужчина снова размахнулся, и мальчик всё же побежал, на ходу глотая слёзы. Сзади доносились проклятия вперемешку с бульканьем. Натан представил, как разлетается слюна в стороны, как трясется двойной подбородок его отца. А потом – резкая боль в голове, и ребенок поскользнулся и упал, с каким-то облегчением понимая, что исчезают звуки пьяного голоса, перекрываемые звоном разбитого стекла. Ублюдок всё же метнул в него уцелевшими остатками бутылки, которую мальчик нечаянно разбил, поскользнувшись на мокром полу, и, если сильно повезёт, Натан успеет отключиться до того, как тот добежит до него, чтобы побить в наказание за неосторожность.

Он не хотел просыпаться. Он отчаянно молился одновременно Богу и Санта Клаусу, в которых запрещал себе не верить, обещая им вести себя хорошо и ходить по воскресеньям в церковь. Пусть даже она располагалась очень далеко от его дома. Не его. Не так. От дома, в котором он жил. Он лихорадочно шевелил губами, произнося слова, которые и сам с трудом понимал, сложив маленькие ладошки вместе и глядя глазами, полными надежды, на обшарпанную, всю в тёмных подтёках стену муниципальной больницы, в которую его привезли. Смотрел на массивный чёрный деревянный крест, являвшийся единственным украшением на стене и молился. О чём? Молился о том, чтобы больше никогда-никогда не увидеть деспота, фамилию которого он носил, и его безликую молчаливую жену, скорее походившую на тень, чем на живого человека. Она боялась мужа, как боятся бешеную собаку, у которой в глазах уже появилась жажда плоти, но пока ещё не выступила пена на губах. Может быть, поэтому Натан и перестал ощущать ту обиду, которая поначалу сжигала его изнутри, пока смотрел заплывшими от побоев глазами на осунувшуюся сгорбленную фигуру матери, безропотно стоявшую у самой двери, пока отец отвешивал одну за другой пощёчины или, матерясь через слово, пинал его, лежащего на полу, носками тяжёлых ботинок.

Иногда ловил себя на том, что ему...жаль её. Да, ему избитому, со сломанным ребром и свежими отметинами от ожогов сигаретой на тощей спине, до боли было жалко женщину, которая будто потеряла себя, позволила стереть себя как личность мужу. В такие минуты Натан до остервенения желал только одного – чтобы они, наконец, избавились от того, кто заставлял страдать его и мать. А порой мальчику казалось, что больнее было видеть синяки на теле и лице Джени, чем чувствовать их на своем. Правда, со временем это ощущение стало медленно исчезать. Со временем ребенок перестал вообще воспринимать её как родного человека и начал относиться как к чужой женщине. Женщине своего мучителя. Не

сразу, нет. Всё же детям присуще любить маму особой любовью. Той, которая поглощает всё существо ребенка. Той, которая готова оправдать и бутылку в руках самого близкого человека, и использованный шприц, валяющийся возле детской кровати, и частые побои «в воспитательных целях». Детская любовь абсолютна и не признаёт полутонов...до тех пор, пока ребенок вдруг не начинает сравнивать. И именно тогда его мир начинает рушиться. Оказывается самым обыкновенным мыльным пузырьём, который лопаётся от первого же соприкосновения с реальностью.

Мир Натана, как и его любовь к Джени, обрушился в тот момент, когда он увидел мать своего нового друга. Нет, он не видел, как та пекла вкусные пироги или покупала самые навороченные игрушки своему единственному сыну. Он не слышал, как она пела тому колыбельную на ночь или же обещала заехать за ним после школы. Всё то, чего он не знал и до этого дня. Его мир лопнул подобно скользкому мыльному пузырю, когда Джаред рассказал, что мать разошлась с отцом, потому что тот посмел поднять руку на сына. Натан сильно удивился тогда. Удивился этому слову «посмел». Будто кто-то мог помешать взрослому мужчине избивать своего же ребенка. Он даже улыбнулся, но эта улыбка застыла на его губах тяжёлой каменной маской, когда друг, продолжая, добавил, что им пришлось уехать в другой город, только потому что мать боялась за сына. Почему-то именно это сочетание слов – «боялась за сына»... не мужа, не жестокого тирана намного сильнее себя... боялась не за свою жизнь и здоровье, а «за сына», заставила его остолбенеть. Эта фраза заставила Натана ощутить, как в горле ком образовался и пальцы задрожали мелкой дрожью. Непослушные. Он попытался ими ослабить дешёвенькую поношенную бабочку на своей шее – элемент школьной формы, но не смог. Так и шёл домой, чувствуя, как задыхается, стараясь глотать воздух короткими неглубокими вздохами.

А когда дошёл и увидел пьяного отца, развалившегося на диване с газетой недельной давности в руке...а пьяного – означало всегда злого...когда тот поманил его указательным пальцем к себе, часто и тяжело дыша, так, что видно было, как раздуваются ноздри и дергается кадык...когда услышал, как закрылась в этот момент дверь на кухню, то впервые испытал нечто темное...нечто такое страшное, чего сам испугался. До холодного пота испугался. Впервые он возненавидел женщину, родившую его. Возненавидел больше, чем её мужа.

Мать всегда говорила ему, что если прилежно молиться и соблюдать заповеди Господа, то тебя услышат и обязательно помогут. И Натан верил. Потому что это было единственное, что он мог сделать. Потому что нельзя не верить. Очень страшно не верить вообще никому или ни во что. Тогда мир вокруг поглощает тьма. Глухая и немая. А Натан очень боялся тишины. Тишина для мальчика наступала, как правило, когда он в очередной раз терял сознание от голода или же после зверств отца, которые тот, ухмыляясь и показывая гнилые жёлтые зубы, называл воспитательными мерами. Она у него ассоциировалась всегда с болью, адской и нетерпимой.

«Просто верь, и тебе воздастся за это», – говорила мать. И оказалась права. Ему всё же воздалось. Странно, Натан думал, что будет радоваться, думал, что будет впервые счастлив в день, когда за ним придут из приюта. Да, с некоторых пор он просил именно этот подарок на каждое Рождество у неба. Он обещал Богу стать самым прилежным христианином, если только тот откликнется на его просьбу. Если только он больше никогда-никогда не увидит своего истязателя. Ему казалось, что лучше быть одним из толпы, лучше быть неприметным и не вызывать вовсе никаких чувств, чем ощущать на себе ненависть близких. А на деле

чувствовал лишь безразличие и какое-то опустошение, которого сам себе объяснить не мог. Да и не пытался он разобраться в этих чувствах. Знал одно – не может быть хуже где-то, чем в этом старом маленьком доме, продуваемом со всех четырёх сторон холодными ветрами. Они заунывно выли тёмными ночами, остервенело кидая в потрескавшиеся окна сухие ветки деревьев, словно намеренно нагоняя жути на жителей покосившегося и изрядно обшарпанного строения. А Натан всегда думал о том, что нет никого и ничего страшнее людей. Он был слишком мал, чтобы говорить об этом с уверенностью, но полагал, что нет сущности хуже и беспощаднее, чем человек. Что могло ждать его там, за дверью, по ту сторону новой реальности, мальчик не думал. Точнее, не придавал этому значения. Да и смысла не было размышлять о будущем. Иногда, задумавшись, он пожимал плечами, глядя в помутневшее от времени зеркало с огромными трещинами по всем четырем углам и понимая, что в его жизни по сути ничего не изменится. Переехав в приют, он не потеряет ничего из того, что никогда не имел, и даже, возможно, приобретет. Как минимум, спокойствие.

Натан даже не старался запомнить привычный образ сторбленной сухой Джени, молча смотревшей из окна, как сын впервые в жизни садится в маленький чёрный автомобиль, который увезет его на другой конец города в местный детский приют. Зато с каким удовольствием он слушал всю эту неделю крики и ругательства отца, возмущённого тем, что теперь их семья лишится пособия, которое он пропивал в первую же неделю с момента получения денег. Как они будут жить без средств к существованию? И всё из-за грязного тщедушного ублюдка, который, вместо того, чтобы отрицать все обвинения в адрес родителей, подтвердил их на суде. Обвинения в адрес людей, которые забрали никому не нужного оборванца из замшелого детского приюта, и он отплатил им черной неблагодарностью. Потом отец кричал ещё, и Натан понимал, что весь тот мир, который он привык считать своим, на самом деле таковым не является. Ни этот унылый старый дом на окраине города. Ни это вечно пьяное чудовище, выплёскивавшее свою ярость на слабых. Ни его бесхребетная бесплодная жена. Просто кто-то выдрал его из другого мира, из того, в который он, наконец, вернётся, и поместил в этот маленький Ад на земле.

Впрочем, теперь Натан хотя бы перестал испытывать постоянное чувство вины за то, что раздражал собственных родителей. То ещё мерзкое чувство на самом деле. И даже побои терпел с какой-то мазохистской улыбкой на лице, представляя, что его жизнь теперь изменится к лучшему. Обязательно к лучшему. По-другому ведь и быть не может. Ведь мать... Джени говорила монотонным голосом, что страдания даются человеку свыше либо за грехи его, либо как испытания, которые он должен пройти, чтобы обрести счастье.

Натан никогда не был самовлюблён, он ненавидел чувство жалости к себе...впрочем, он с ним и не сталкивался ни разу, но почему-то представлял в своей голове, что подобное отношение способно только унижить человека...и тем не менее, мальчик позволил себе мечтать о том, что вот теперь-то уж у него закончится та самая пресловутая чёрная полоса и начнётся ослепительно белая, наполненная счастьем и спокойствием.

Наверное, так дети ждут Нового года и появления чуда, как он ждал своего переезда в приют. Туда, где много детей. Туда, где никто не посмеет коснуться его безнаказанно, просто потому что содержит в своем доме. Парадокс, но в его мечтах приют ассоциировался с некоей свободой.

И не перестал с ней ассоциироваться в первую неделю, на протяжении которой Натан

постоянно получал тумачи от своих сверстников. Но им он мог огрызаться. Им он мог ответить, защищая себя и своё нехитрое имущество, которое притащил с собой – пару книжек, страницы из которых были безжалостно вырваны местным главарем хулиганов на следующий же день после приезда, и маленький деревянный крестик, который дал ему на прощание Джаред. Натан привязал его на белую нитку и носил на шее вместо серебряного, который отец, молча содрал с его шеи, обменял на бутылку водки два года назад.

Эта свобода длилась ровно две недели. Две недели, пока он был таким же, как все. Только первые несколько дней пробыв «новеньким». Затем интерес к нему у детей пропал, да и Натан больше не давал себя в обиду и теперь почти чувствовал себя счастливым. Две недели, пока его не замечали. Вот как выглядела его свобода – абсолютное безразличие к нему.

А затем свобода лопнула как тот самый мыльный пузырь, окрасившись в чёрный цвет разочарования, ужаса и смерти. Лопнула, оказавшись не более чем придуманной воспалённым детским мозгом иллюзией. И смерть этой иллюзии стала самым страшным событием в его такой маленькой ещё жизни.

«-Знаешь, как переводится твое имя, Натан? Подарок, – мужская рука поднимается всё выше, сжимая худое колено, спрятанное под шерстяными штанами. Зимой в приюте было жутко холодно. Но Натан дрожал не от холода, а от страха. Он не знал почему, но испытывал рядом с этим мужчиной самый настоящий ужас. Глядя в светло-зеленые глаза цвета молодой листвы, он вжимался в спинку потертого кожаного дивана, стараясь как можно дальше отодвинуться от нависшего над ним крепкого тела, – И ты лучший подарок, о котором только можно просить, мой мальчик».

Натан кричал. Ему казалось, что он кричал громко и долго. Горло болело так, словно он порвал голосовые связки в истерическом крике. Диссонанс. Он не услышал ни звука из своего рта. Только шёпот. В самом начале. Жалкое «прошу вас, не надо», и кривую усмешку в ответ.

«Не меня проси, а Господа нашего, и он услышит твои молитвы. Я просил. Я был усерден и верил. И он подарил мне тебя».

Натан плохо помнил, что произошло дальше. Почему-то в памяти сохранилось, как после всего сжигал деревянный крестик украденной у одного мальчика зажигалкой и долго смотрел, как он догорает, падая на ладонь чёрным пеплом. Странно. Он не почувствовал боли, даже когда огонь лизнул онемевшие пальцы. Все они ввали. Не было никакого Господа. Вокруг была только тьма, и никакие кресты и иконы не могли развеять её светом. А если и был их Господь, Натан теперь знал – именно он и был тем, кто потушил все свечи и впустил этот мрак.

Весь его нехитрый багаж уместился в маленький рюкзак. Утром мальчика в здании не обнаружили, зато одна из воспитателей нашла благочестивого и всеми любимого директора в его кабинете. Мёртвым, с торчащим из горла ножом для фруктов. Это событие на долгие недели взбудоражило всех обитателей приюта.

Спустя три года

Он надвинул кепку ещё ниже на глаза, придерживая рукой капюшон, скрывавший овал лица. Свободной рукой вцепился в решетку кованого какими-то причудливыми узорами

забора, напряжённый, даже не замечая, как холод нагло трогает щёки и аккуратный нос. Невольно приоткрыв губы, внимательно следил за пареньком, громко рассмеявшимся в ответ на реплику друга. Натан вздрогнул от звука этого смеха. Он ему показался таким знакомым, отдавался эхом в голове, и в то же время оказался почти безнадежно забытым.

Объект его интереса, активно жестикулируя руками, что-то рассказывал своему собеседнику, не обращая внимания на худощавого мальчишку у ворот своего дома. Одетый в дорогое бежевое пальто из мягкого кашемира поверх модной рубашки, парень спрятал замерзшие руки в карманы тёмно-синих штанов. Натану почему-то подумалось, что уж у парня-то, наверняка, брюки тёплые, плотные, шерстяные, а не как у него – дырявые и прохудившиеся на коленях от времени, да и пальто греет, потому что вряд ли такое ж подранное, как его коротенькая курточка, из которой он года три уже как вырос.

– Кристофер, – мелодичный женский голос позвал парня, и тот как-то на мгновение словно осунулся и прикрыл глаза, чтобы тут же, встряхнувшись, растянуть губы в улыбке, протягивая ладонь для рукопожатия своему другу. Коротко кивнул ему на прощание, и, снова засунув руки в карманы, пошёл домой, пиная носком фирменных чёрных ботинок лежащие на дороге декоративные камешки.

Натан ещё долго бы стоял у ворот, сжимая металлические прутья решётки, если бы не садовник, заметивший мальчика.

– Эй, бродяжка, – он угрожающе приподнял лопату, двинувшись к Натану, – чего уставился? Хочешь познакомиться с моей лопатой поближе? Вали отсюда! Здесь нищим не подают.

Мальчик даже внимания не обратил на него, продолжая смотреть в спину удаляющемуся сверстнику.

– Ах ты, ублюдок, – садовник с лопатой наперевес подбежал к воротам, – ты чего ошиваешься здесь каждую неделю?! Думаешь, я не замечал тебя? Иди отсюда, или я полицию вызову.

– Вызови, – сказал безучастно, не отрывая глаза от Криса, открывающего массивные тёмные двери, и думая о том, что садовник навряд ли свою угрозу выполнит. А жаль. Сегодня ему снова негде было ночевать.

...Четырнадцать лет спустя

Трель телефонного звонка безжалостно вспорола тишину, установившуюся в кабинете. Я неспешно подошла к плите, подняв турку ровно за мгновение до того, как кофе закипит, и с наслаждением втянула аромат божественного напитка. Закрыла глаза, позволяя ему завладеть всеми рецепторами, прокатиться по телу волной легкого предвкушения. Может быть, хотя бы перед ним непрекращающаяся головная боль отступит. Пусть и ненадолго.

Распахнула окно настежь, чтобы не задохнуться от забивающегося в нос запаха свежей краски на стенах. Стойкий и вонючий, он поглощает даже благоухание кофе. И, наконец, смогла сделать долгожданный глоток горячей жидкости, облегчённо выдыхая, обхватывая кружку пальцами, чтобы согреться. Глядя, как играет пронизывающий холодный ветер с бумажным пакетом, то подбрасывая его вверх, то безжалостно кидая на землю, нетерпеливо треплет, когда тот цепляется за растопыренные щупальца-ветви уже голых деревьев, лениво раскачивающихся под беззвучную мелодию порывов ветра. Снизу окрики пьяные раздались и громкий мужской смех, захлебнувшийся отчаянным собачьим лаем.

Отец отговаривал меня ехать в этот город, просил остаться в столице, где было гораздо больше возможностей построить карьеру, расписывая, какое будущее меня ждёт в дальнейшем. И с тех пор, как уехала, звонил часто, интересовался тем, как идёт расследование, а на самом деле осторожно выяснял, не решила ли вернуться. При всей любви к своей единственной дочери всё же отец оставался приверженцем старых взглядов, согласно которым женщине полагалось создавать уют в особняке какого-нибудь видного политика и бизнесмена, на крайний случай, как он говорил не раз, можно было вести дела, связанные с экономическими преступлениями. Именно оттуда, утверждал отец, могла в дальнейшем открыться дорога в Сенат, что он ещё скрепя сердце мог себе представить. Но уж никак не преступления против здоровья или жизни. Это было нечто, выходявшее из рамок представлений Марка Арнольда о природе женщины.

Впрочем, у моего отца была одна небольшая слабость, которой он не мог противостоять, как бы сильно ни хотел. Это я. Мистер Арнольд был человеком, которого, если не уважали все окружающие, то однозначно боялись. Властный, чертовски умный, хладнокровный и влиятельный, он наводил ужас на политических оппонентов и вызывал благоговейный трепет у своих избирателей. Но это что касалось моего отца вне нашей с ним маленькой семьи. Со своей дочерью Марк Арнольд мог приводить довольно логичные и обоснованные доводы, он мог просить, мягко давить или же жёстко запрещать что угодно... последнее слово всегда оставалось за мной. И я была бесконечно благодарна папе за это его проявление уважения к моему мнению.

Встрепенулась, когда собачий лай сменился истеричным визгом, и затем послышался жалобный скулёж и грязные ругательства вслед ему. Да, район, в котором находился полицейский участок никак нельзя было назвать престижным или благополучным. Не сравнить с тем, в котором я работала в столице.

Но разве не этого я хотела? Кардинальной смены обстановки и окружения. Никаких лицемерных улыбок вокруг. Отсутствие заискивающих взглядов, плохо скрывающих самую откровенную ненависть. И Росса...рядом не было Росса, и мне иногда казалось, что только ради этого стоило бросить всё и приехать сюда.

Наслаждаться благословенной тишиной, мягкими шагами вступавшей в открытое окно моего кабинета. Она позволяет спокойно выдохнуть...ненадолго. Всего на несколько секунд и, кажется, впервые с того момента, как мы с моим помощником Люком уехали с места преступления.

Трудно привыкнуть к смерти как к таковой. А к убийствам – тем более. Когда же смерть после болезни приходит за детьми...за теми, кому точно не настало время умирать, это кажется и вовсе кощунственным. Кажется верхом несправедливости. Пока, дойдя до этой самой вершины, не понимаешь, что есть ещё более высокая, ещё более опасная и острая...та, на которой детей убивают. Убивают безжалостно и бесчеловечно.

Иногда я думала о том, что первое дело...первый труп – как первая любовь. Его не забываешь никогда. Не просто лицо, обстоятельства, место, но и свои собственные эмоции от столкновения с ним. Свой страх, омерзение, дрожь в коленях и устойчивое чувство тошноты. А ещё чувство вины перед ребенком...всепоглощающее, гнетущее чувство вины за то, что теперь он по ту сторону черты, а ты можешь лишь обещать ему и себе найти сволочь, что раньше времени отправила его за эту грань. Потом их будет много...трупов. Отец всегда говорил, что со временем они могут слиться в какую-то серую массу убитых тел, сухих строк из уголовных дел и приговоров суда, а первое дело о преступлении против жизни – оно так и останется тем самым первым ножом в твою веру в человечность.

Моим первым был Тими. Я «познакомилась» с его телом месяц назад. Познакомилась и дала слово ему и себе, что обязательно найду тварь, которая убила его. Но вот на очереди уже пятый, а единственное, в чём я продвинулась – это связала его смерть со смертями четырёх других детей. Сдержала глухой стон, когда перед закрытыми глазами непрошеными кадрами стали возникать воспоминания. И самое страшное – их не выключить. Не прекратить, не избавиться от их присутствия в твоём сознании. Просто молча смотреть, слушать, снова и снова пропуская через себя все те чувства, что не сломали тебя в реальности, запечатлевшейся в твоём мозгу, чтобы сделать это после.

«Ева...Ева, спокойнее, – Люк придерживает меня за плечи, стоя сзади, обдавая дыханием с запахом табака, и меня снова накрывает приступом тошноты.

– Сейчас пройдет. С непривычки оно всегда так.

Я повела плечами, сбрасывая его ладони. Он, конечно, прав, но я почувствовала раздражение. Неужели можно привыкнуть к трупам детей? Или думал, я не замечу завуалированного под заботу пренебрежения?

Отстранилась от него, прикладывая бутылку с водой к губам, давая себе лишние мгновения на то, чтобы собраться с силами.

– Иди в машину, девочка, – я сам там всё посмотрю и расскажу тебе. Тем более судмедэксперт тоже на месте.

Улыбнулась, чувствуя, как тошнота отходит вместе с головокружением, уступая место зарождающейся злости, а сердце начинает учащенно биться будто после инъекции адреналина. Так было последние три месяца. Скрытые уколы, оброненные будто невзначай сомнения в компетентности принятых мной решений и слишком навязчивая забота о моём душевном спокойствии, вызывавшая лишь ярость. Люк служил в полиции больше десяти лет и справедливо полагал, что должность следователя после отставки бывшего начальника достанется ему, а не молодой девчонке, приехавшей из столицы сразу на теплое место. К

слову молодой девчонкой меня назвал он сам в разговоре с одним из полицейских.

– Нет, Томпсон, я справлюсь. Это всё-таки моё дело, – и злорадное удовольствие видеть, как скривились его губы, но всё же мужчина кивнул, резко развернувшись на пятках и следуя к большому особняку.

И затем спуститься в подвал небольшой постройки, стоявшей рядом с этим домом, стараясь не дышать носом, чтобы не задохнуться от вони, поглотившей здесь даже воздух. Шаг. Ещё один. Ну, давай, Ева. Это всего лишь ребенок. А ты взрослая женщина. Профессионал своего дела. И тебя не должно рвать от вида его перерезанной шеи с откинутой назад головой и залитой кровью грудью. Ты ДОЛЖНА посмотреть в его изуродованное лицо. Должна! О, Господи...

– Ублюдок, – Люк прошипел сквозь стиснутые зубы, склоняясь над лицом мальчика лет восьми, – что он сделал с его лицом?

– Боже, – подошла ещё ближе, впиваясь в ладони ногтями, глядя на вертикальные маленькие порезы на правой щеке ребенка.

– Художник хренов, – Люк смачно сплюнул, выругавшись и остолбенев, когда вдруг раздался душераздирающий женский крик.

– Тимиии...мальчик мой, – громкое рыдание и топот ног, сбегających вниз.

– Люк, лови её, – и помощник срывается с места, чтобы успеть схватить вбежавшую в помещение женщину.

– Мой сыночек, отпустите...отпустите меня, – она тянет руки в нашу сторону, бьёт Люка по груди, сопротивляясь и срываясь на рыдания, пока он подталкивает её к выходу из подвала, продолжая удерживать, не позволяя приблизиться к труп, – я его мать...вы не имеете права...отпустите. Я посмотрю. Я только посмотрю.

– Мадам, – заставила себя отвернуться от мальчика, – посмотрите, когда мы здесь закончим, – Люк зашипел, когда она ударила его по колену, – обещаю, у вас будет время попрощаться с мальчиком. Сейчас вы мешаєте нам. Прошу вас...сейчас вы мешаєте нам найти улики, которые позволят поймать убийцу вашего сына. Мы не причиним ему вреда... обещаю.

Она затихает, бьется в объятиях мужчины, скорее уже по инерции, позволяя ему себя увести.

– Что же он с тобой делал, Тими? Что он рисовал на тебе, малыш? – исследуя потрескавшиеся и побелевшие губы мальчика. Его тело обнаружила прислуга, не нашедшая ребенка ни в одной из комнат и спустившаяся в подвал за ним. Родители были на какой-то вечеринке в честь повышения отца.

Если справиться с тошнотой, которую вызывает запах крови, то, оказывается, я могу долго всматриваться в остекленевшие мёртвые глаза цвета осенней листвы. Вглядываться в них бесконечные минуты, пытаюсь разглядеть...не знаю что. Но мне кажется, что зрачки – они слишком тёмные и большие. И если смотреть в них достаточно долго, то начинает мерещиться, что эта тьма в них не статична. Она словно языки пламени медленно раскачивается, затягивая в себя, раскачиваются под мерное шипение...и я его слышу, слышу так, словно этот звук совсем рядом.

– Ты сейчас упадешь прямо ему на лицо, Ева.

Вздрагнула, когда голос Люка раздался над ухом. Отпрянула от ребёнка.

– Так что говорит няня?

Люк пожал плечами, присев рядом с мальчиком, привязанным к стулу напротив большого зеркала, и заговорил, взглядываясь в свое отражение:

– Мальчик попрощался с ней, чтобы пойти в гости к соседу поиграть. После звонка от друга семьи, оповестившего, что Тими уже у них, няня спокойно отправилась на кухню пообедать. Вплоть до вечера никто ни о чём не подозревал, пока на пороге дома не появился соседский мальчишка с вопросом, можно ли зайти в гости к Тими.

– И, соответственно, отец того мальчика тоже не звонил сюда?

– Нет, более того, его даже не было в этот момент дома. Но няня уверена, что голос был мужской, и звонивший представился нужным именем.

– Несколько часов...он мучил его несколько часов, и никто ничего не заподозрил? Никто не зашёл в подвал?

– Они утверждают, что редко пользуются пристройкой, так как здесь, как видишь, не все доделано ещё.

– На самом деле, – вскинула голову, чтобы встретиться со взглядом умных серьезных глаз судмедэксперта Гарри Флинта, который снял большие круглые очки и сейчас тщательно протирал их салфеткой, – пока рано делать какие-то выводы, но думаю, на всё про всё у убийцы ушло не более пары часов. Ребенку заткнули рот, – он продемонстрировал черную тряпку, бережно им сложенную в прозрачный пакет, – и привязали к стулу. Скорее всего, раны, – указал пальцем на лицо Тими, – были нанесены, ещё когда ребенок был жив.

– Люк, поговори с отцом мальчика.

Он молча кивнул.

– Они были на вечеринке вместе с матерью. Они могут подтвердить...

– Просто поговори. Сейчас, – кивнул снова и поднялся в дом.

– Как вы считаете, что эта мразь...что убийца хотел сказать этим, – показала на лицо ребенка, испещрённое ранками.

– Ну, моя дорогая девочка, – судмедэксперт сухо улыбнулся, – «разговаривать» с преступниками – это ваша работа. Моя – искать темы для разговора. А вообще, обратите внимание, как аккуратно срезана кожа. Небольшие надрезы и скрупулезно удалённые участки кожи.

– Рытвины...он словно делал небольшие ямки...или что? Что, чёрт?

Привстала с колен, снова нависая над ребенком, разглядывая тёмные маленькие порезы, обнажающие его плоть. Они начинались из внешнего уголка правого глаза и тянулись к уголку губ. Так словно...

– Ева, – тихий голос Люка вырвал из раздумий. Ошарашенно осмотрелась вокруг себя. Я даже не поняла, как ушёл эксперт.

– Поговорил?

– Да, есть любопытный факт. Правда, не знаю, даст ли он нам что-либо. Тими – приёмный ребенок. Его усыновили пять лет назад, но об этом никто не знал. Фердинанды переехали в наш город лишь три года назад и тщательно скрывали эту информацию от других, даже от прислуги.

Тогда мы с ним не придали этой информации того значения, которое она будет иметь впоследствии, когда выяснится, что и второй, и третий, и четвёртый мальчик были не родными детьми в своих семьях.

– Не нагладелась ещё? – Люк подошёл сзади, – Ты молодец. Я думал, в первый раз хуже будет, но ты держалась довольно неплохо.

Он говорит что-то ещё, сжимая большой ладонью мой локоть, но я его уже не слышу. В голове сквозь скрежет сомнений прорывается рёв. Громкий. Дикий рёв догадки.

– Слёзы.

– Что?

– Слёзы. Он изобразил на его лице слёзы, Люк.

Четырнадцать лет назад

– Плачь, мальчик мой, – мужчина рывком дёрнул за темные волосы, поворачивая к себе заплаканное лицо мальчика, его глаза заблестели лихорадочным возбуждением при взгляде на опухшие губы, с рыком удовольствия он встретил очередной тихий всхлип, – плаааачь. Твои слёзы чисты и прекрасны.

И уже в следующую секунду содрогнулся в экстазе под жалобное поскуливание ребенка.

А потом, развалившись на широкой кровати, смотрел пьяными от удовлетворения глазами, как тот собирает с пола свою одежду...одежду, которую мальчику купил именно он, и судорожно натягивает её на себя.

– За всё в этой жизни нужно платить, мой милый, – усмехнувшись, когда острые плечи тут же напряглись, и тонкая спина с проступающими позвонками выпрямилась, – а у тебя нет ничего, кроме твоих чистых слёз. Тебе было больно?

Он не ждёт ответов. Они ему не нужны. Иногда мальчику казалось, что мужчина даже не слушает, когда он ему что-то отвечает.

– Слёзы боли – самые искренние. Самые чистые и вкусные. Все остальные отдают лицемерием.

Мужчина говорил что-то ещё. Мальчик не слушал. Просто молча стоял спиной к кровати, где тот лежал на животе абсолютно голый, подогнув под себя ногу, обессиленный и готовый уснуть. Дождавшись позволения выйти, мальчик едва не выбежал из осточертевшей комнаты со стенами, покрашенными в нежный молочный цвет, и шторами такого же оттенка. Для него эти цвета теперь ассоциировались со страхом. С воплощением всех тех кошмаров, которые он видел в своих беспокойных снах каждую ночь. Все они происходили всегда в одной и той же комнате, и самым жутким для него стало осознание, что они не прекращаются. Никогда. Его сны продолжают в реальности, а кошмары из реальности плавно переходят в сны.

Спуститься по лестнице, опустив голову вниз, чувствуя себя поломанным, таким поломанным, что кажется, в теле не осталось и одной целой кости, и столкнуться в дверях с матерью, которая отводит взгляд, чтобы не увидеть свежие засосы на шее мальчика и следы невысохших слёз на его щеках.

И он больше не ждёт её реакции. Он знает, что она натянуто улыбнётся, отступая в сторону и пропуская его, а потом, обхватив изящными ухоженными пальчиками перила, величественно поднимется в свою спальню. В ту, из которой только что вышел он сам. Ляжет на кровать, на которой только что его...её сына...

Мальчик стиснул зубы, чтобы не заорать, и в горле застряло нечто страшное...нечто чуждое всей этой показной тошнотворной роскоши, которая окружала особняк, нечто тёмное. Оно клокотало в районе глотки, вызывая желание склониться прямо в гостиной и выbleвать на дорогой ковёр эту черноту, которая забилась внутри него бешеным зверем.

Выскочил на улицу и бросился к новенькому навороченному велосипеду, обвязанному чёрной подарочной лентой, сел на него, даже не тратя время на разглядывание и пронесся через спешно отворяемые сторожем ворота. Едва не сбил какого-то парнишку в оборванной одежде. Он иногда видел его у своего дома, но никогда не обращал особого внимания. Запомнил только, что тот и зимой, и летом ходил в одной и той же драной коричневой курточке и потасканных заляпанных отвратительными пятнами брюках, а лицо его закрывала низко надвинутая на лоб шапка или же кепка. Ничего примечательного.

Закричал на придурка, чтобы больше не появлялся возле его дома и уехал. Так мальчик провёл свой четырнадцатый день рождения.

...Четырнадцать лет спустя

Никогда в любовь с первого взгляда не верил. Да и в любовь саму тоже. Сказки, выдуманные для дураков, для малахольных идиотов, оправдывающих самые естественные инстинкты высокопарными словами. Трудно поверить в то, чего не видел, не слышал и не чувствовал никогда сам. В секс верил. В похоть...о, о похоти я знал так много, что мог бы написать о ней целые трактаты...верил в привычку и удобство рядом с женщиной. А вот такие бредни перестал слушать ещё в детстве. Это всё же не религия, которую вбивают с младенческих лет в голову, и тебе не остается ничего другого, кроме как покориться чужой убеждённости в собственные слова. Те, кто меня окружал, были такими же отъявленными тварями, не верившими ни в Господа, ни в ангелов, ни в чувства. Конечно, кроме естественных, таких, как голод, жажда, усталость, вождление. Животные инстинкты, которым уделялось основное внимание, тогда как другие активно душились.

Давно понял, что человеческая жизнь – не сказка, это кошмар, надвигающийся, как только наступают сумерки, а смысл его состоит в том, чтобы поутру суметь открыть глаза. И желательно, целым и невредимым.

Джони, правда, утверждал, что она существует. Любовь эта. Та, которая сразу дубиной по лбу бьёт, тасуя все мысли в голове, как в стеклянной банке. Правда, по его словам, не длилась она и дольше одной ночи. Удобная такая штука, если верить старику.

– Чего развалился? – жирдяй в полицейской форме ощутило ткнул кулаком прямо в бок, и я стиснул с силой ладони, чтобы не ответить ему тем же, – к следователю давай быстро, мразь.

Он даже удосужился встать с кресла, облегченно скрипнувшего, когда огромная туша поднялась на ноги, и подтолкнул меня. Скорее, ударил по спине.

– Шевелись, ублюдок!

Обошел, открывая дверь в кабинет, и тут же падая с грохотом от поставленной подножки. Я склонился над ним, улыбнувшись, когда кретин угрожающе выругался, подмигнул, перешагивая через его голову и заходя в небольшое помещение со стенами персикового цвета и новенькими белыми шторами на узком окне.

– Мэм, – откуда-то сзади наряду с пытением и едва сдерживаемыми проклятиями, – Натан Дарк. Ублюдок прятался в Квартале для бездомных.

Так они называли катакомбы, в которых мы жили. Вот только ни черта я не прятался. Я вообще впервые за эти два дня обедал и поэтому охренел, когда сразу две полицейские «коробки» подъехали к моему одиноко стоящему домику, и оттуда выскочили четыре придурка, которые заорали дурными голосами, приставив пистолеты к моему лицу и требуя отправиться с ними.

Перевел взгляд на стройную темноволосую девушку, стоявшую боком ко мне и смотревшую в окно. За спиной шум раздался – толстяк закрывал за собой дверь.

Девушка игнорировала меня, продолжая изучать улицу и придерживая тонкими пальчиками легкую ткань занавески. Странно, когда Ларри рассказывал о новом следователе, который распутывал нашумевшие в городе убийства, я почему-то даже представить не мог, что им может оказаться женщина. Ларри не назвал имени, только фамилию, и я привычно

решил, что к нам прислали матёрого пса, и сейчас не смог сдержаться ухмылки, глядя на хрупкую женщину перед собой. Впрочем, может быть, дело в том, что за последнее время нам удавалось довольно легко избегать проблем с полицией. По крайней мере, последний раз я контактировал с «законниками» около пары месяцев назад, и тогда принимал меня Томпсон, которого, как справедливо полагали многие, и должны были сделать главным следователем. Но нет. Словно в насмешку над всеми погибшими – молодая, явно неопытная девушка, появившаяся недавно. Кажется, Ларри упоминал что-то о столице. Интересно, что натворила мисс Арнольд, если её сослали в наш городок? Навряд ли успела совершить нечто такое страшное, достойное столь жестокой ссылки. Скорее всего, переспала с кем-то влиятельным и была отправлена подальше от глаз? Плевать. В любом случае мне это играло на руку. Легче обвести вокруг пальца кого-то вроде неё, чем злобного пса Томпсона.

Кому были интересны грязные оборванцы, оказавшиеся ненужными собственным родителям? Точно не местной власти. Как, впрочем, и их так называемым новым семьям. Да, оказывается, ни одна бумажка не способна заставить полюбить другого человека, если в нём нет твоей крови. Все те, кто утверждает обратное, – самые обычные лицемеры. Они поплачут пару месяцев или год, в лучшем случае, и пойдут за другим ребенком в приют. Как завести в старом аквариуме новую рыбку взамен умершей. И я даже не знал, что хуже для этих детей – жалость, которую к ним испытывают, или безразличие, прорывающееся сквозь лживую маску любви и привязанности.

Сел на стул перед её столом, готовый получить все ответы на свои вопросы. В частности, какого чёрта меня вытащили из дома и притащили в полицию.

А потом она повернулась ко мне, посмотрев прямо в глаза своими, ярко-синими, обрамлёнными длинными чёрными ресницами, и я впервые понял, что старый маразматик был прав. Дьявол его раздери, но Джони не врал! Эта сука всё же существовала. И сейчас с размаху ударила меня прямо в солнечное сплетение. Ударила с такой силой, что я едва не согнулся пополам, неспособный сделать даже вдоха, глядя широко открытыми глазами на женщину перед собой и слушая, как барабанной дробью забило собственное сердце о рёбра.

Натан Дарк. Двадцать восемь лет. Высокий брюнет с правильными чертами лица. И безмерной наглостью. Уселся на стул, сложив руки в наручниках на коленях, и смотрел прямо на меня.

Местный король бездомных. Так называли его даже полицейские между собой. Он был коронованным главарём банды бродяг, располагавшейся за городом и обитавшей в старых катакомбах. Неоднократно привлекался за организацию краж на оживленном рынке и ограбление домов состоятельных граждан. Однако каждый раз каким-то образом его оправдывали. Каждый раз находились те, кто брал вину на себя, или же потерпевшие отказывались от выдвинутых обвинений.

Правда, сейчас никто и ничто не позволит этому ублюдку уйти от наказания. Даже если за ним будет стоять сам Господь Бог. У нас были показания сразу нескольких свидетелей, которые утверждали, что видели этого мужчину вместе с последним пострадавшим ребенком. Видели, как он вёл его куда-то в сторону катакомб. Причём сходилось как описание внешности, так и одежды, которая была на нем. Кроме этого Флинт обнаружил тёмные короткие волосы на манжете мальчика, и сейчас я смотрела на парня и понимала,

что они могли принадлежать именно ему. Иссиня-черные, слегка взъерошенные волосы падали на высокий лоб. Скорее всего, он сопротивлялся задержанию. Странно, я ожидала увидеть мужчину в грязных обносках, но Дарк был одет в недорогое, но чистое и аккуратно скроенное черное пальто поверх такого же цвета рубашки с простыми пуговицами на манжетах. Он сидел передо мной, слегка расставив ноги в чёрных брюках. Облечённый в чёрное, он вызывал желание отстраниться и в то же время необходимость приблизиться. Опасность. Именно ею веяло от него, как от других мужчин веяло парфюмом.

И, если, изучая его по сухим бумагам, я пыталась понять и не могла, почему самому обыкновенному бездомному удавалось постоянно уходить от справедливого возмездия за совершенные деяния, то сейчас я остолбенела, когда он вдруг резко вперёд подался и на меня посмотрел расширенными чёрными глазами. Такими тёмными, что нужно приглядываться, чтобы увидеть зрачки. Мрак. Вот что он обрушил на меня своим взглядом. Беспросветный, всепоглощающий мрак. Привстал со стула неожиданно и ладонями о стол оперся, подавшись вперед, к моему лицу. От неожиданности я вскрикнула, откинувшись на спинку кресла и опустив руку под стол, где в верхнем ящике пистолет лежал, а мужчина носом повел, прикрыв глаза, словно приносиваясь.

– Что вы делаете?!

Разозлившись на него и на себя за этот страх. Всё до предсказуемого просто: увидел молодую женщину и хочет напугать. Любимая уловка мужчин-преступников.

– Всего лишь нюхаю вас. Это в нашей стране не запрещено.

– Простите, ЧТО вы делаете?

– Нюхаю вас.

Ответил нагло, усмехнувшись краем губ и глядя прямо в глаза. А я не могу вот так...в его. Впрочем, чего только я не слышала во время допросов. Правда, никогда раньше не возникало желания отвернуться от подозреваемого и медленно выдохнуть, собираясь с силами. Обычно дерзость задержанных вызывала раздражение.

Взяла со стола папку с данными на него, давая себе секунды на передышку, невольно взглядом зацепив длинные мужские пальцы, сплетенные вместе. Постукивает большим пальцем правой руки, словно ждёт чего-то.

– Вы знаете, почему вас пригласили сюда?

– А меня приглашали? А то мне показалось, что ворвались ко мне домой, волоком протащили к машине, заковали в кандалы и притащили в другой конец города.

Посмотрела в его прищуренные глаза – серьезные. Изучающие. И тьма в них...горячая. Слишком горячая, чтобы можно было выдержать спокойно этот взгляд. Чтоб можно было не ощущать, как поднимается температура в кабинете, вызывая желание распахнуть окно настежь, впуская прохладу.

– Так вы знаете, почему вы здесь?

– А вы знаете, что вы вкусно пахнете?

– Что?

Я застыла, не в силах поверить, что правильно услышала.

– Корицей. От вас пахнет корицей. Я люблю этот аромат.

...Десять лет назад

Мальчик ненавидел запах корицы. Вонь. Да, вонь корицы. Она вызывала у него

сильнейшую пульсацию в висках. В такие моменты ему хотелось вонзиться в них ногтями и выдрать эту чертову боль из своей головы. Зато отец любил добавлять её в кофе, требуя каждое утро на завтрак ещё и свежие булочки с этой пряностью.

– Это один из лучших университетов в стране. Он обеспечит мне то будущее, которого я заслуживаю!

– Об этом и речи быть не может!

– Отец, – парень скривился, будто давясь этим словом, – я всё равно уеду. Мы уже договорились с моим другом...

Он ведь действительно верил, что достаточно взрослый, чтобы принимать решения сам за себя. Да и до сих пор мужчина напротив него не выказывал недовольства ни увлечением сына велосипедным спортом, с готовностью покупая самые дорогие образцы, ни рвением парня получить образование в столице страны. Именно поэтому тот и предположить не мог, что известие об отъезде вызовет такую реакцию. Хоть и догадывался почему. Догадывался и ощущал, как подкатывает от этой мысли тошнота к горлу. Плевать. За эти годы он научился справляться с ней. С тошнотой и с ненавистью к отцу...и к себе. За собственную слабость. За страх натолкнуться на осуждение и отторжение. Самое настоящее ничтожество! И он так презирал себя за то, что таковым являлся...и ничего не мог сделать. Но рано или поздно всему приходит конец.

– Ты не имеешь никакого права удерживать меня здесь, в этом захолустье! В конце концов, я уже достаточно взрослый...

Он не ожидал такой ярости. Не ожидал, что на него тут же набросятся и опрокинут на живот, придавливая голову к мрамору на полу.

– Отец, прошу...

Он ведь почти забыл, каково это...поэтому и говорил с откровенным возмущением. Последние годы мужчина не трогал его. И мальчик наконец ощущал себя счастливым. Каким-то полноценным. Он старался не думать, почему вдруг обрёл эту свободу. Возможно, просто вырос и перестал интересовать извращенца...возможно, в том всё-таки выиграли отцовские чувства. Ему было плевать. Он учился наслаждаться своей жизнью без оглядки на кого-либо еще. Без постоянного напряжения и выступающего над верхней губой пота каждый раз, когда в гостиной слышался голос пришедшего с работы отца. И он тщательно гнал от себя мысли, кто плакал для того всё это время. Ему было всё равно. Как было когда-то всё равно всему остальному миру на него. Он справедливо полагал, что своё выплакал сполна.

– Прошу, не надо...

Всхлипывая. Почему он думал, что научился рыдать, как маленький ребёнок? Почему позволил себе забыть, как ужасный сон, что это такое – ощущать себя беспомощным под сильным мужским телом. Дёрнул головой, пытаясь освободиться, и только сейчас понял, что ему в щёку упиралось лезвие ножа, который отец схватил со стола.

– Имеешь право? Ты? Да у тебя не было никогда и не будет никаких прав! Это я оплачиваю всё, что у тебя есть. Твою еду, твоё тряпье...даже твои трусы куплены на мои деньги! И это я решаю, куда и когда ты уедешь, что будешь есть и что пить!

Удар ладонью по спине, и юноша впивается зубами в собственный кулак, чтобы не взвыть от боли.

– А ты уже забыл, какую оплату я от тебя жду? – мерзкий смех, вспарывающий вены, разрывающий внутренности вернувшимся страхом и адской болью, – Так я напомним. Плачь, мой мальчик. Плачь.

...Десять лет спустя

Она заправила изящным движением ладони локон длинных тёмных волос за ухо, и я сквозь сжатые зубы медленно выдохнул. Душно. Как же душно в этом долбаном кабинете. Сколько я здесь сижу? Два часа? Три? Хрен его знает. По фиг. Здесь всё равно лучше, чем в камере моей, провонявшей испражнениями и потом бывших сидельцев. Лучше, потому что здесь она. Потому что здесь даже стены ею пропитаны. Запахом её, а я себя наркоманом чувствую, жалким, никчёмным, зависимым от него.

Который день меня приводят к ней? Уже почти неделю. Задают вопросы, предлагают идти на компромисс или же, наоборот, угрожают большим сроком. А в ответ я смеюсь. И их это раздражает. Мою Еву и пса рядом с ней, который смотрит зло исподлобья, а в глазах у него обещание жуткой смерти. Люк Томпсон. Он словно забыл, что знает меня долгие годы, приветствуя каждый день мощным ударом в солнечное сплетение. Грёбаный ублюдок! Он забыл, а я посчитал слишком унижительным пресмыкаться перед этим ничтожеством и напоминать ему об этом.

У них есть показания свидетелей, видевших, меня вместе с мальчиком...и я действительно в этот день встречался с ним, но в противовес их уликам – показания двух человек, утверждавших, что в момент убийства ребёнка я был вместе с ними и никуда не отлучался. В любой другой ситуации показания жалких бездомных ничего бы не значили, никто не обратил бы на них внимания на фоне слов местного священника и других благообразных жителей города.

И кто знает, как скоро вынесла бы приговор судья, если бы не одно «но»... и это «но» сейчас сидело прямо передо мной. Молодая следователь, которая боится совершить ошибку, боится приговорить не того, и это именно та струна, на которой я должен сыграть, если не хочу отправиться на виселицу. А я не хотел. Видит Дьявол, мне особо и жить-то было незачем, но я всегда вгрызался в эту жизнь зубами, подобно голодной псине, учуявшей запах крови. По привычке. По инерции. Будто покориться, отступить и сдохнуть было сродни наглядной демонстрации собственной слабости. А я ещё четырнадцать лет назад сам себе пообещал, что никогда слабым не буду.

А теперь...теперь на Еву смотрел и ощущал, впервые ощущал, что пёс не разомкнёт челюстей теперь и из-за интереса. Дикого интереса к этой женщине с длинными стройными ногами и соблазнительными формами, скрытыми за темным строгим платьем.

Она нервно кусает губы, постукивая карандашом по деревянному столу. Ей идёт злиться. Определенно идёт. Бросать гневные взгляды, и тогда синее море её глаз вдруг пересекают яркие вспышки ярости. Красивая. Никогда таких красивых не видел. В наших катакомбах девки все в основном грязные, и пахнет от них невымытыми телами. А меня от вони этой всегда воротило, заставлял их купаться и только потом к себе вёл. А от неё чистотой веет и мылом с ароматом корицы. Кожа загорелая и нежная, какая же нежная... пальцы стиснул, чтобы руки не поднять и скул её не коснуться. Впервые такое со мной. Дьявол! Чтобы зубы сводило от желания просто дотронуться. Впервые, чтобы дух выбивало просто от присутствия рядом, от осознания, насколько близко к ней нахожусь. Другая она. Совершенно другая. Такой не касался никогда. И не потому, что богатая и чистая...неет...я без особого трепета в свое время оттрахал, как дочь священника, так и её богобоязненную скромную матушку, со смиренным видом таскавшую свою стряпню в катакомбы бездомным

и оттуда приходившую в мою старенькую лачужку, чтобы выть гортанным голосом подо мной так, как не были самые искушённые шалавы в городе. Вот только от близости с ней и ей подобными не возникало и трети той эйфории, которую испытывал сейчас, просто находясь на расстоянии вытянутой руки от Евы.

Словно идиот последний всю эту неделю. Все мысли о ней только. О том, чтобы скорее оказаться в кабинете и смотреть на неё. До боли в глазах смотреть, пока слепить не начинает от красоты этой...нет, не кукольной, не могу себе объяснить, да и не пытаюсь. Просто жадно поглощаю минуты рядом. Вместо того, чтобы думать о том, как выбраться отсюда, сижу перед ней, словно псих конченный, унизительно смакуя тот же воздух, которым она дышит.

Иногда отвечает на звонки телефона, стоящего на столе, или разговаривает с полицейскими, и меня выворачивать от злости начинает, что тратит МОЁ время на других, что улыбается чужим словам, пряча от меня свои сияющие глаза. Челюсти до скрежета зубовного сжимаю, чтобы не выдрать телефон из ладони и не раскрошить его об стену или же не оторвать голову очередному самцу, пускающему слюни на мою женщину.

Чёёёёрт! В такие минуты ненавидел и её, и себя. За наваждение это. Ведь не может же возникнуть зависимость с первого взгляда? И сам на себя злился, потому что понимал – может. Может, мать её! Как от первого же приёма героина...и тебе не остается ничего другого, кроме как жадно вбирать в себя эту свою одержимость, чтобы протянуть до следующей дозы, чтобы не сдохнуть до очередной встречи.

Глава

4. Ева. Кристофер

– Ты, – Люк в бешенстве, он склоняется над развалившимся на стуле Дарком, и я вижу, как вздуваются мышцы на его шее от напряжения, – ты думаешь, тебя снова отпустят? Думаешь, сможешь вернуться в свои дерьмовые катакомбы, и мы ничего не сможем сделать? У нас есть свидетельские показания против тебя и твои волосы, найденные на убитом, и только одному Господу сейчас под силу тебя вытащить отсюда!

– Можешь передать ему привет и сказать, что мне его помощь не нужна, Томпсон, – Дарк не успел закончить, согнулся и захрипел, когда Люк, не сдержавшись, ударил его поддых, а потом ещё раз, пока я не окрикнула его. А тот придурок улыбнулся какой-то сумасшедшей улыбкой, будто наслаждение получил от удара в грудь, и продолжил, – так как у вас ещё показания есть свидетелей, подтверждающих моё алиби. Но зато нет ни орудий убийства, ни мотивов, ничего.

– Скотина, ты думаешь, кого-то волнуют никчёмные бродяжки? Ты, грёбаный извращенец, если понадобится, я тебя здесь оставлю гнить на долгие месяцы...

Люк уже не говорит – рычит. И я его понимаю. На нас давят родители убитых детей, многие из них – влиятельные люди в городе, местные газеты, несмотря на запрет о разглашении хода следствия, всё равно раздули панику, чуть ли не через день печатая трогательные истории о погибших детях и душещипательные рассказы о страданиях их приёмных родителей, продолжая поддерживать интерес к убийствам. Каждое утро я находила в почтовом ящике очередную заметку о бездействии полиции, поймавшей, но до сих пор не передавшей под суд Живописца...да, именно так называли маньяка журналисты, за его «рисунки» на лицах жертв.

И вся эта шумиха действительно не играла нам на руку. Люк не знал, конечно, но мой собственный отец позвонил накануне и сказал, что не может дать мне больше месяца на

расследование. Через месяц, если мы не обнаружим убийцу, он вынужден будет направить на это дело группу из столицы, так как власти штата боятся ещё большей огласки, тем более накануне выборов в Сенат.

– А за это время ублюдок изнасилует и потом прикончит ещё парочку детей, да, Томпсон?

– Ты, долбаный подонок, – ещё один замах рукой, и вдруг сам громко застонал, потому что Дарк неожиданно ударил его головой прямо в грудь и тут же в лицо посмотрел, оскалившись, как зверь, – ах, ты...

Люк зло повернулся ко мне, когда я позвала его, не позволив ответить Дарку. Он был в ярости. Для него картина событий сложилась понятная и чёткая – задержанный убил пятерых мальчиков, но с последним прокололся, оказавшись неосторожным и оставив на его одежде следы. Свидетели указывали непосредственно на Дарка. Люк не мог понять, почему я сомневалась. Требовал разрешения провести самому допрос с подозреваемым, обещая, что уже к утру тот расколется. И я и сама не знала причину этих сомнений. Только чувствовала, что слишком близко подошла к страху ошибиться и наказать не того человека. Дарк, как и двое свидетелей, утверждал, что убитый в тот день сбежал с занятий в школе и, встретив Натана по дороге, пошёл с ним катакомбы. Когда-то он жил в том же приюте, откуда сбежала добрая половина подопечных Дарка.

– Люк, оставь нас.

– Что?

Он обернулся ко мне, слегка склонив голову.

– Оставь, тебе нужно остыть. Сходи попей кофе. Пожалуйста, – с нажимом, стиснув челюсти и видя, как недовольно поджались его губы.

Да, я боялась. Я боялась одновременно проколоться с подозреваемым и боялась поверить в то, что он невиновен. Я убеждала саму себя в том, что должна довериться доказательствам, и тут же вспоминала реакцию Дарка на фотографии жертв. Я ожидала чего угодно: деланного равнодушия, омерзения, возбуждения от вида зверски убитых детей. Я ожидала даже удивления...но не ярости. Не чистейшей ярости, которую он резко выдохнул, слегка оскалившись, и сжав ладони, лежавшие на столе, в кулаки. Сильно сжал. Будто удерживался от того, чтобы не ударить ими по столу. Смотрел долго и неотрывно на фотографии, а потом скрыл эту самую ярость, неоновыми красными вспышками загоревшуюся в глазах, за закрытыми веками.

Люк ко мне склонился через весь стол и прошипел сквозь плотно сжатые зубы:

– Какого чёрта, Ева?

– Он сказал «изнасилует и потом прикончит», – также шёпотом, глядя, как раздуваются недовольно ноздри помощника.

– И что? – Люк схватил меня за локоть, и пальцы больно впились в кожу...и мы оба с ним вздрогнули от неожиданности, когда в комнате грохот раздался. Дарк, прищурившись, пнул стул так, что тот упал, и сейчас мужчина как-то слишком пристально и зло смотрел на ладонь Люка на моей руке до тех пор, пока тот не догадался и, ошарашенный, не убрал свою ладонь. И только тогда задержанный кивнул, отходя к двери и прислоняясь к ней спиной, словно позволяя нам продолжить разговор.

– Он сказал, – стараясь говорить еле слышно и глядя в смуглое нахмуренное лицо Люка, – сначала «изнасилует», а потом «прикончит», понимаешь?

– Арнольд, прекрати играть со мной в шарады! Какая разница, что он сказал сначала, что – потом?

– Разница в том, что детей сначала убивали, потом насиловали.

– Очередность слов? Серьёзно? ЭТОМУ ты придаёшь значение? Послушай, девочка, это тебе не кражи мелкие расследовать, да редкие убийства пьяных бродяг. Здесь всё куда серьёзнее, и эта сволочь, – он кивнул головой в сторону Дарка, – переиграет тебя в этой твоей словесной шараде на раз-два, если будешь обращать внимание на такие глупости.

– Уходи, Люк. Мне нужно допросить подозреваемого. Одной.

К окну отвернулась, медленно выдыхая, собираясь с мыслями, ожидая, пока закроется за Томпсоном дверь. Усмехнулась, увидев небольшую толпу людей в грязной, рваной одежде не первой свежести. Они громко о чём-то разговаривали, передавая друг другу одну сигарету и нетерпеливо поглядывая на окна полицейского участка. Как шутил Люк, это была свита нашего короля с катакомб. Дежурили здесь день и ночь с тех пор, как несколько человек буквально ворвались в участок и потребовали допросить их по делу Дарка.

– Они тебя любят.

– А другие, – он равнодушно плечами пожал, – ненавидят.

Он говорил про другую толпу, ту, которая состояла из людей обеспеченных, из представителей церкви, местного правления и бизнесменов, пришедших с транспарантами и требовавших казни Живописца. Они кидались камнями и палками в окна, выкрикивая лозунги и ругательства.

– И тебе безразлична ненависть этих других?

Края чувственных губ дернулись кверху, будто он хотел улыбнуться.

– Мне и их любовь безразлична.

– А что насчет этих? Они стоят здесь несколько часов подряд.

На этот раз усмехнулся он.

– Им просто больше некого любить.

– А разве человеку обязательно кого-то любить?

Спросила и замерла – его взгляд изменился, потяжелел, став свинцовым.

– Чтобы не скатиться в самую бездну – да. А вы никого не любили, мисс Арнольд?

Пожала плечами, отводя глаза.

– Почему не любила? Папу... маму. Как все.

И снова ухмылка исказила его рот, и я прикусила губу – в черных глазах холод появился, и желваки заходили на скулах. Невольно засмотрелась на его лицо. Запоминающееся, необычное. Хоть черты и правильные, но нет ощущения смазливости, скорее, мужественность в каждой линии. Прямой нос, ровные темные брови, губы...чувственные. Почему-то это слово пришло на ум. И глаза...чёрные глаза, в которых будто сама бездна затаилась. Он ими насквозь прожигал, казалось, особенно когда заходил в кабинет, хоть и закованный в наручники, но как к себе домой, по-хозяйски и медленно, чертовски медленно разглядывал меня с ног до головы. Молча. Уверенно. Так, будто искал, что во мне изменилось за ночь...или будто имел право так на меня смотреть. Взгляд, от которого в жар бросало, потому что впервые поняла, что взглядом на самом деле раздевать можно. И от такого взгляда действительно чувствуешь себя обнажённой. Слишком обнажённой.

– А мужчину?

Хриплый голос возвращает в реальность, заставляя сосредоточиться на его словах. И в ту же секунду раздражение испытать от собственной реакции на его голос...и на себя за то,

что позволяю подозреваемому задавать подобные вопросы. За то, что образ Росса возник перед глазами...и он размытый. Впервые за последние несколько месяцев. Неясные очертания мужского лица, как непрошеное напоминание о прошлом. И нет такой привычной тоски, которую ощущала при каждой мысли о нём.

– С каких пор здесь вопросы задаете вы, Дарк?

– Мы давно уже перешли на «ты», разве нет? – склонил голову набок, улыбнувшись, а у меня от этой улыбки мурашки по спине пробежали – самоуверенной, наглой. И на ум одно слово пришло – сильный. Силой от него веет мужской. Той самой, настоящей, которую женщина за версту ощущает. От бродяги, живущего за городом в старом домике на территории катакомб. С другой стороны, кем нужно быть, чтобы стать во главе десятков бездомных, маргиналов, не признающих ни власть, ни законы? Какой мощью нужно обладать, чтобы получить власть над подобными людьми?

И да, мы давно перешли на «ты». Перешли, потому что Дарк уже на второй день отказывался отвечать на любой мой вопрос, в котором не будет звучать его имя. А я уступила его требованию. Уступила, потому что произносить его имя казалось таким естественным, таким правильным...и потому что этот ублюдок действительно молчал, даже когда разъярённый Люк пригрозил выбить из него дух, если не заговорит. Так и безмолвствовал до тех пор, пока я всё же не обратилась к нему по имени.

– Не заставляй меня вернуться к началу нашего пути...Натан Дарк.

– Если это подарит мне ещё неделю рядом с вами, мисс Арнольд...

Резко встала со своего места, с шумом отодвинув кресло. Иногда его наглость раздражала...чаще всего, да, чаще всего она раздражала.

– Послушай...

– Это вы послушайте, мисс Арнольд..., – ударила ладонями по столу, когда он перебил меня, но этот хам даже внимания не обратил, повышая голос, – ведь вы же интуитивно знаете, поэтому и сомневаетесь. Вы же чувствуете, что мы с вами по одному пути идем. Что мы с вами одного хотим.

– И чего же ты хочешь, Дарк?

– Вас. Я хочу вас, – пауза длиной в бесконечность, в которую я замираю, чувствуя, как словно легкие перехватило колючей проволокой, которая в диафрагму впивается, и больно сделать даже вдох. Не в силах поверить услышанному смотрю в его глаза, затянутые ожиданием...да, он ждёт моей реакции на свою наглость. А я...я сама не могу объяснить себе, почему вдруг от этих слов стало жарко. Невыносимо жарко, и вмиг пересохли губы, а ладони вспотели, и захотелось вытереть их о платье.

– Что. Ты. Себе. Позволяешь?

Срывающимся, таким непослушным голосом.

Пожал плечами, пробежавшись острым пронизывающе-тёмным взглядом по моему лицу, по шее, и я чувствую, как начинает покрывать румянец эти места.

– Вы задали вопрос. Я ответил. Ведь именно так проходит допрос? Но я вам солгал.

Дарк приблизил корпус ко мне, и я невольно сглотнула, когда он потяжелевшим взглядом посмотрел на мои губы.

– Точнее, сказал лишь часть правды. Больше всего на свете я хочу вас, – и снова молчание, заставляющее вцепиться пальцами в край столешницы, чтобы не выцарапать эти наглые чёрные глаза, – и найти суку, которая убивает детей. Позвольте мне помочь вам, Ева.

Просто поверьте.

И на дне тьмы его глаз яркими всполохами взвилась вверх ненависть.

...Двадцать три года назад.

Они всегда боялись его глаз. Все, кроме отца. Того ублюдка, наоборот, это завораживало. Он помнил, как еще маленьким подходил к маме, протягивая ей книжку с любимыми сказками, а она отстранялась, не позволяя коснуться себя и стараясь не смотреть в его лицо. Отводила глаза, выдавливая приторную лживую улыбку, и начинала читать монотонным обречённым голосом очередную историю.

Он однажды услышал, как прислуга обсуждала поведение матери. Тогда маленький ещё был. Пробрался на кухню на четвереньках, представляя себя разведчиком, который должен стянуть пирожки из корзины, стоявшей на столе, и спрятался за дверь, когда раздался голос его няни, пухленькой Бетти.

– Я так скажу, не готова – нечего ребенка брать. Дети тебе не игрушки. Сегодня взял, завтра отдал. Дитё к ней ручки тянет, на колени просится, а она его из зала выпроваживает, говорит, чтобы из комнаты не выпускала, пока сама не ляжет в своей спальне.

– Мне вообще кажется, что боится она его. Ты глаза его не видела, можно подумать. Как ими зыркнет на меня, так я то соль просыплю, то воду пролью, то тарелку уроню. Нехороший взгляд у него. Слово и не ребенок смотрит, а взрослый...или того хуже.

Мальчик шею вытянул из-за угла шкафа и увидел, как молоденькая Хельга перекрестилась поспешно.

– Что? Да что за бред ты говоришь, дурёха? – Бетти всплеснула руками, – Ребенок, он и есть ребенок. И глаза у него нормальные. Тёмные очень. Ну подумаешь. Зато как улыбнется, так любое сердце оттаит. А у этой...у неё не сердце, а кусок камня в груди, вот и не принимает мальчика.

– А ты взглядишь, я тебе говорю! Не тёмные они, а тьму в себе прячут! Слово само зло на тебя уставилось и прямо в душу смотрит. А хозяйку не осуждай. Она никогда его не хотела. Хозяин сам решил, сам привел, а ей, что теперь, насильно любить его?

Мальчик тогда мало что понял из этого разговора, но запомнил каждое услышанное слово. Он вообще тот день запомнил в мельчайших подробностях. Каждую минуту каждого часа. В эту ночь он впервые плакал для своего папы.

А ещё у мальчика были воспоминания, которые приходили к нему после таких ночей. Когда клубочком сворачивался в своей кровати и смотрел в тёмное окно. Иногда ему казалось, что кто-то там, за ним, шипит, зовёт к себе мальчика. Но этот кто-то не знает, что мальчик сейчас не то, что ходить не мог, а и дышать. Что ему не просто было больно, он весь превратился в комок пульсирующей боли. Слово кто-то вспорол тонкие голубые вены на маленьких ручках и наполнил кровь сплошной агонией.

Нет, мальчик не боялся ни шёпота за окном, ни яростно бивших по стеклу веток деревьев, которые словно звали его встать на подоконник, звали прыгнуть к ним в темноту, туда, где его ждет облегчение. А если вдруг ему и становилось страшно, то он всегда подходил к зеркалу шкафа и начинал играть. Со своим отражением. Почему-то только рядом с зеркалом и чувствовал себя в безопасности. Будто только оно его и может защитить. Будто это самое естественное – смотреться туда и улыбаться отражению себя самого. Иллюзия

того, что он не один. Иллюзия того, что его любят. Любят не за слёзы, а просто так.

...Двадцать три года спустя

– Сукин сыбын!

Люк зло пнул ногой комод в детской, взревев от злости.

– Что ж за тварь способна на это?!

Вопрос, не требующий ответа. Особенно когда задают его рядом с телом двенадцатилетнего мальчика с перерезанной шеей и вырезанными на лице слезами.

Так странно. Вдруг поймала себя на мысли, что не ужасаюсь. Что не чувствую того панического ужаса и непонимания, которые были в самом начале расследования, когда видела истерзанных детей. Поймала себя на мысли, что привыкаю...привыкаю? Господи, я привыкаю к человеческой жестокости, только потому что какая-то тварь играет с жизнями маленьких мальчиков. Меня это злит, меня приводит это в самую настоящую ярость, вызывая ненависть к подонку, способному на подобное...но я перестала поражаться этому. Перестала ощущать чувство тошноты при виде залитых кровью трупов. Перестала затыкать нос, когда шла на место преступления. Так, будто я сама становилась такой же безразличной и жестокой, как этот ублюдок. И это пугало. Будто я могла потерять что-то важное, какую-то важную часть себя. Точнее, Живописец отбирал эту часть меня, уничтожал её вместе со своей очередной жертвой.

Обхватила себя руками, согнувшись от холода. И я на самом деле не знала, откуда он шёл – снаружи или изнутри. Всё же не сдержалась.

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, что это не та тварь, которая у нас в камере сидит.

– Проклятье! Что?

Томпсон шагнул ко мне, переступая через лужу крови на полу.

– Какая-то дрянь режет в моём городе детей, а ты радуешься тому, что это не твой бездомный?

Поморщилась, когда он больно сжал плечи, и обхватив его запястья, стряхнула с себя мужские руки.

– Я не радуюсь. Я констатирую факт. И Дарк не мой бездомный, а подозреваемый.

И отмечаю про себя, что нет никакой радости. Зато есть облегчение. Потому что это не Натан. Потому что я не ошиблась...не ошиблась, когда в ответ на его просьбу, сказанную надтреснутым хриплым голосом, кивнула. Доверяя не себе, а ему.

«Позвольте мне помочь вам, мисс Арнольд. Просто поверьте. Вы ищите его своими методами, а я – своими. Эта мразь убивает не просто детей богатеньких родителей. Он убивает наших...тех, кому удалось вырваться из одного Ада, он отправляет их в другой. Только приёмные дети, обратите внимание. Только мальчики. Некоторые приехали издалека. Откуда он знает, что они неродные? Убийца связан с приютами, Ева. Не отпускайте меня, но позвольте мне своими способами добывать информацию.

– А что можешь сделать ты, чего не можем мы?

– Я свяжусь с детьми из приютов. Со зрителями. Они могут многое знать и расскажут всё. Но только не вам, а мне.

– Если получат повестку...

– То будут молчать как рыбы, утверждая, что ничего не знают. Поверьте, мисс Арнольд, эти люди слишком ненавидят полицию, чтобы заговорить.

– Ты говоришь о детях, Дарк. К ним всегда можно найти подход.

– Я говорю о детях, которые потеряли абсолютно всё. Они намного циничнее вас, мисс Арнольд. Для них вы все...мы все – не более чем способ получить те или иные блага. И ради достижения своих целей они с готовностью используют любого из нас.

Оторопела, не веря в то, что слышу. Чувствуя, как изнутри волна протеста поднимается. Эти люди, они стояли на холоде столько часов, чтобы поддержать своего главаря, который так легко отрекается от принадлежности к ним.

Наклонилась к нему, пристально в глаза вглядываясь, пытаюсь эмоции прочесть. Не могла я ошибиться в этом человеке. С другой стороны, а что я знала о нём, кроме сухих фактов из материалов дела? Почему считала, что он должен быть обязательно благородным, если взял шефство над бездомными?

– Как? Как ты можешь...

– Вы удивлены, мисс Арнольд?

В глазах насмешка вспыхнула холодными искрами.

– ...говорить так, будто ты их...

– Презираю?

– А ты презираешь?

И снова плечами пожал, удерживая мой взгляд своим, не позволяя отвернуться той самой тьмой, в самом центре которой словно бесы танцуют.

– Я их защищаю. И это единственное, что им нужно.

– Но как же они? – кивнув в сторону окна.

– Они? Вы думаете, они от большой любви или уважения торчат здесь?

Дарк откинул голову назад и расхохотался, а когда резко замолчал и снова на меня посмотрел, я увидела, что его глаз смех не коснулся.

– Я единственный, кто дает им защиту. Кто обеспечивает их едой и крышей над головой. Если завтра наступит голод, они первым разорвут на части меня, чтобы сожрать.

– Почему тебя?

– Чтобы я не мешал сделать этого с другими.

Он псих. Ведь псих? Потому что на его лице я вижу наслаждение. Ему нравится запугивать меня...и я могла бы прекратить этот разговор в любую минуту. Могла бы. Но не стала, убеждая себя в том, что должна узнать его глубже, подойти как можно ближе к краю пропасти, за которой скрывается личность возможного убийцы.

– Тогда зачем всё это ТЕБЕ?!

– Потому что больше никто за это не возьмётся.

– Это не ответ.

– А вам так важно его услышать, мисс Аааарнольд? – растягивая первую букву моей фамилии, и я невольно отшатнулась, чувствуя, как от этого бархатного низкого тембра сотни мурашек встрепенулись по позвоночнику. Во рту стало сухо, и я облизнула губы, глядя на то, как меееедленно голову набок склоняет, будто изучая мою реакцию на свой вопрос.

И не дождавшись ответа, продолжил:

– Чтобы помочь отбросам общества мне не нужно их любить, Ева. Достаточно ненавидеть тех, кто сделал их таковыми.

– А ты ненавидишь? И тем не менее предлагаешь мне поверить тебе??

– Я предлагаю вам сделку, мисс Арнольд. И чем дольше вы будете думать над ней, тем больше вероятность того, что появится новая жертва.»

Он был прав...Дарк оказался абсолютно прав. Наши сомнения стоили жизни ещё одному ребенку.

Наутро я лично выпустила Натана Дарка из камеры.

Глава 5. Натан. Ева

Я сидел в камере, прислонившись спиной к стене, ощущая, как холод от камня нещадно проникает под кожу и морозит кости, вызывая желание съёжиться. Идиот. Если бы он знал, насколько привычно для меня мёрзнуть, насколько обыденно бороться с пронизывающим ветром, беспощадно вспарывающим лицо острыми краями снежинок. Когда-то именно мысль о том, что это не что иное, как борьба, моя битва против собственной слабости, и давала силы для того, чтобы не сломаться, не позволить поглотить себя ни холоду, ни ветру.

После того, как сбежал с приюта, я долгое время скитался по улицам, прячась от полицейских, от взрослых, от бродячих собак, остервенело бросавшихся на мальчика, копошащегося на мусорных свалках, прямого конкурента за шанс выжить.

Затем я направился в соседний город, понимал, что убийство свяжут со мной, даже если я останусь в детском доме. Одна из воспитателей не просто видела, как я заходил в кабинет мрази, ставшей нашим директором. Она сама привела меня за руку к нему. Я плохо запомнил черты лица грёбаного извращенца, но её лицо с печатью абсолютного равнодушия, врезалось в память навсегда. Теперь я точно знал, что именно с таким лицом совершаются самые ужасные поступки. Убивает не тот, кто отдаёт приказ. Чёрт, ведь в действительности это настолько крутая отмазка для тех, кто ею пользуется, что они начинают верить в неё. Верить неистово. Со всем рвением, на которое только способен человек гнилой, мелкий, ничтожный...и в то же время совершенно неспособный принять свою вину.

Равнодушие и раболепное выполнение откровенно жестоких приказов – что может быть хуже? Можно сколько угодно прикрываться тем, что к твоей голове приставлен пистолет и поставлен жестокий выбор – или ты, или тебя. В тот момент, когда ты выбираешь себя, ты делаешь выбор. И убиваешь тоже ты, а не приказ, не твое звание и не положение.

Я тоже сделал свой выбор. Много лет спустя, когда стучался в дверь к благообразной старушке с покрытой монашеским апостольником волосами. И когда смотрел в её сузившиеся в попытке узнать незнакомца глаза...и расширившиеся в испуге зрачки, когда она всё же признала. Равнодушие к жестокости страшнее самой жестокости. Потому что вторая честнее. Она не скрывает отвратительное нутро своего раба. А вот безразличие...это маска для собственной чёрной души. В тот день я содрал этот покрытый трещинами лжи и времени слепок с её лица, чтобы обнажить всю мерзость, которая пряталась под ним, перерезав её дряблую шею.

Это был мой второй приезд в родной город...иногда хотелось смеяться от этого слова, но да, всё же именно тот адский котел и был моим родным городом.

А до этого были месяцы и годы скитаний. Были драки с такими же убогими бродяжками, как я, за найденную на очередной свалке наполовину протухшую еду. Были стычки с полицейскими и приводы в разные приюты, из которых сбегал сразу же.

И была Мэри...чёрт побери...когда-то у меня была Мэри.

Натан смотрел вслед уехавшему мальчику и мысленно прощался с ним. Да, он оказался всё же тем ещё трусом, если так и не нашёл в себе силы просто заговорить. А сейчас его ждала дорога. Натан усмехнулся, глядя на недовольно насупившегося и упершего руки в бока жирного садовника, пристально следящего за ним. Махнул ему на прощание рукой и услышал

короткие возмущенные ругательства в свой адрес. Как бы там ни было, мужчина за всё это время ни разу ни полицию не вызвал, ни хозяевам не пожаловался на оборвыша, периодически появлявшегося возле ворот их дома.

Он оставлял этот город (который уже там по счёту?) позади с твёрдым намерением никогда больше не возвращаться. Тем более наступали холода, и ему уже так надоело мотаться по улицам. А Брен, его новый знакомый, местный чужак с вечно измазанной сажей мордой и покрытыми отвратительными язвами руками, рассказывал, как можно быстрее добраться до столицы, где было гораздо теплее даже зимой и куда больше возможностей выжить на улице. Он и поведал мальчику о высоких, простирающихся до самого неба зданиях со множеством маленьких домиков внутри. Как пчёлы в улье. Так он называл людей, населявших такие дома. Вечно жужжащий, переполненный, тесный улей. И никто не верит в Господа, сокрушался Брен, всегда носивший огромный деревянный крест на своей груди. Люди жалобно и с опаской смотрели на его протянутые дрожащие руки, одной из которых он держал крест, прикладываясь к нему губами каждый раз, когда очередная милосердная старушка кидала в его шляпку монетку. Натан же улыбался, подсчитывая вырученные деньги и думая о том, как весело было бы показать этим Божьим одуванчикам, для чего на самом деле годится их проклятый крест. Им очень удобно оказалось колотить по голове нападающих бездомных собак или отбиваться в драках с другими бродягами.

– Эх, ребёнок, – так продолжал упорно звать Ната Брен, несмотря на все протесты мальчика, – что значит, зачем мне крест? Ну буду я с собой палку таскать, как ты. Или стяну воооон ту дорогую трость у молодого господина, который сидит напротив, задрав ноги и позволяя чистить Кони свои новенькие туфли, и что? Ну да, ими куда удобнее отбиваться, чем моим, – тут Брен щелкнул пальцами по основе своего украшения, – старым добрым крестиком, но они не помогут нам добыть еды. Ты думаешь, они мне подадут? Все эти милые дамочки в аккуратных платьях и их напыщенные кавалеры? Они себе подадут. Душе своей прогнившей, скукожившейся, спрятавшейся за толстыми слоями навязанных им предрассудков. Кидая монетку в мою шляпку, они словно выкупают себе право ещё на один грех, считая, что искупили уже совершённый.

Натану нравилось разговаривать с Бреном. Несмотря на то, что тот был явно не в своем уме. Иногда, в особо холодные дни, пихал мальчику последнюю краюху чёрствого хлеба, а иногда, как Натан ни косился на шмат плохо прожаренного на огне мяса, так и не протягивал пареньку ни кусочка, отворачиваясь от него и пряча свои запасы. Или же утверждал, что целый день ничего не ел, а у самого вся борода была в хлебных крошках и воняло от него чесноком. Поначалу Натана это задевало. Конечно, он не подавал вида, как и не просил никогда ни у кого поделиться едой. После Натан начал ценить преподанный невольно Бреном урок: никто и никогда не поможет, если ты окажешься на самом дне. Единственный, на кого можно рассчитывать безоговорочно, это ты сам. Твоя голова, твои руки и ноги. И Натан, как никому, был благодарен бездомному за эту науку.

Потом Брен исчез. Поговаривали, что замёрз насмерть, и дворник вывез его тело на городскую свалку. Но Натан сомневался в этом – он тогда прибежал туда в поисках старика, но никого не нашёл. Ходил звал его, озираясь по сторонам, чтобы не наткнуться на стаю собак, их всегда здесь много кружило, но так и остался ни с чем. Практически. Со свалки он прихватил старое пальтишко с огромной дырой на том месте, где был карман. Уже подойдя к

руинам старого квартала, в котором должна была начаться стройка новых домов, он услышал тихий плач. Остановился, прислушиваясь, пытаюсь понять, откуда он исходит. Кто-то спрятался за обрушившимися стенами и теперь плакал. Натан осторожно, на цыпочках к одной стене подошёл и остановился. Нет, не здесь. И плач затих, видимо, его услышали. К стене холодной прислонился всем телом и вперёд зашагал, аккуратно ставя ноги след в след, пока не наткнулся почти нос к носу с малышом на вид лет пяти. Всё лицо в потёках грязи и слёз. Глаза красные, и губа разбита. Тот взвизгнул и побежал прочь. Смешной. В какой-то кофточке с одним оторванным рукавом, а вторым целым, но дырявым. И босой. Натан, наверное, потому и кинулся за ним. Инстинктивно это произошло. Как увидел почерневшие крохотные пятки, и пальцы на ногах у самого сжались. Он-то хоть и в поношенной, но всё же обуви.

– Эй ты...стой. Пацаааан.

Закричал громко и за малышом рванул, прижимая к груди пальто – трофеей со свалки. Тот снова вскрикнул и начал петлять, перепрыгивая через строительный мусор, пока не споткнулся и не упал на колени. Потом на спину завалился и, держась за правую ногу, зарыдал ещё громче. Натан к нему подбежал и на корточки присел.

– Дай, посмотрю...Да дай, тебе говорю. Не бойся.

А малой его руку от себя отталкивает, и в глазах страх. Такой страх панический, что Натан ощутил, как сердце сжалось, и захотелось к груди малыша прижать. Он к нему потянулся и едва не оглох от громкого визга. Остановился, глядя на дрожащую нижнюю губу.

– Тебя кто бил?

Сам не знает, как понял, только понял. Когда ребенок на его руку как на змею ядовитую смотрел. Их Нат вживую не видел, только на картинках в учебнике. Знал, что опасные они. Жуткие твари, при взгляде на которых озноб по спине пробегал. Вот и паренек на него так же смотрел. Натан на задницу упал и ногу вытянул. Прямо поверх ноги ребенка, но так, чтобы не касаться. Задрал штанину кверху и ткнул пальцем в ногу.

– Вот, смотри – видишь, какая дырка. Это мне проволокой так. И то, я не плакал.

Пацан носом шмыгать не перестал, а сам тонкую шею вытянул и смотрит – любопытно же.

– Как девчонка плачешь...чего нюни распустил?

Натан нахмурился притворно и на прищуренный взгляд тёмно-карих глаз наткнулся.

– Ты скажи, что у тебя болит...я же это...доктор. Да, я доктором стану. Детским. Буду таких плакс, как ты, лечить. Тем, кто ревет постоянно, уколы ставить буду. Знаешь, что такое уколы?

Мальчик головой кивнул и снова на колено Натана смотрит, бровки домиком поднялись, ресницами пушистыми хлопает, смаргивая слёзы, они по пыльному грязному лицу стекают к губам, и маленький язычок быстро слизывает их.

– То-то же. Смотри мне. Доктора не любят реёв. Потому что ну как вылечить плаксу? У тебя что болит-то?

Тот молча ткнул на ступню и снова громко шмыгнул.

– Дай-ка посмотреть...а, так ты стеклом порезался. Тьфу ты...я думал, серьёзное что. А это ерунда самая настоящая.

И добавил тихим голосом, переведя взгляд на малыша:

– Можно я вытащу стекло?

Готовый, что тот откажется или снова завопит. А мальчик задумался, прикусив верхнюю губу, и вдруг резко так кивнул. Нат от радости едва не закричал, улыбку спрятал, опустив голову и к ноге маленькой склонившись.

– Только ты это...не реви больше, хорошо? Сейчас немного больно будет.

Аккуратно потянул за вонзившийся в ступню осколок, придерживая второй рукой ногу мальчика, не давая тому дёргаться.

– Воооот...видишь?

Продемонстрировал тому стеклышко.

– Я бы тебе отдал на память, но боюсь, ещё порежешься. Пошли, помогу тебе выбраться. Жаль, ты разговаривать не умеешь. Я думал, большой уже...а ты малявка совсем.

Помог ребенку на ногу встать, а тот вторую подгибает и руками за Ната цепляется, опасливо озираясь вокруг себя.

– Страшно? Везде тут мусор этот. А хочешь, я тебя понесу? Пойдём Брена поищем? Это старик один. Друг мой. У него с собой всегда фляга есть. Мы тебе на ногу водой волшебной из неё плеснём, чтобы она не болела больше.

Смотрит в маленькое лицо – нахмурился и снова губу кусает, думает, доверять или нет незнакомцу.

– А ты чего губы жуёшь? Сейчас все губы съешь, рот открытым останется, – малой на него вскинул глаза испуганные, – да-да. У меня друг один так и ходит теперь – постоянно зубы торчат, губ нет. Жуууууткое зрелище.

Дождался, пока тот кивнул, и, надев на него длинное, достающее до пола пальто, в которое малыш сразу закутался, одним движением на руки поднял и к выходу со стройки понёс.

– Ну вот. Делов-то. А ты реветь сразу. Убегать. Как девчонка совсем.

А тот на этот раз губы поджал и проямлил что-то.

– Ну ты это...говори яснее. То губы жуешь, то слова. Голодный что ли? Пошли поищем, чем перекусить можно. Тебя как зовут-то, пацан?

И снова молчание, а потом тихим и серьёзным голосом:

– Мэри.

Нат остановился и в глаза ему посмотрел. Усмехнулся. Ну, конечно, девочка. Грязная, голодная, зарёванная девчонка. Черты лица мягкие, нежные. Как сразу не догадался? Улыбнулся ей и подмигнул.

– Ну Мэри так Мэри.

Так Натан с сестрой младшей своей познакомился. Он всем её именно так и представлял. И знакомым бродяжкам своим. Что сестру нашёл, и чтоб никто не смел и пальцем дотронуться до неё. Заботился о ней так, как мог заботиться подросток без денег, без крыши над головой, без помощи. Еду первой ей таскал. Иногда просто рядом сидел и в ладони ногтями впивался, чтобы не смотреть, как та найденный кусок пирога жуёт, а у самого кишки от голода в узел сворачивались. Спали вместе всегда. Причем именно из-за неё Натан научился спать с оружием – горлышко бутылки, палка или подобранное с земли шило. Однажды уснул обессиленный, а когда проснулся, понял, что Мэри нет рядом. Испугался. Испугался ужасно. Бросился искать её, и когда услышал мужской голос неподалеку от заброшенного здания, в котором они ютились, то почувствовал, как нечто страшное в нём

просыпается. То самое. Тёмное, готовое поглотить всех и вся. И Натана в том числе. Правда, оказалось, что знакомый узнал девчонку и привёл. Куда и почему она уходила ночью, Натан так и не выведal. Иногда ему казалось, что она в состоянии постоянного шока находится. Говорила всегда мало и короткими фразами. Но в ту ночь Натан впервые понял, что может убить не только за себя.

Тяжелее всего было лечить девчонку. Худенькая совсем, постоянно заболела, кашляла так, что Натану страшно становилось – мерещилось, сейчас все лёгкие ей разорвёт. Он и обувь чистил за жалкие монетки, и песни горланил, краем глаза проверяя, не кидают ли в дырявую кепку его деньги, и стекла машин протирал. Однажды целый день под дождём стоял, орал как кот мартовский похабные песенки (они больше всего у народа котировались, они и церковные, но их Натан не пел никогда), но так ничего и не собрал, потом ещё с наступлением сумерек с час ходил по мусоркам позади ресторанов, еду искал. А когда в подвал спустился к Мэри, то сжался весь, услышав её громкий кашель. Скрючилась в самом углу на кучке тряпья, которую ей Натан натаскал, и кашляла. За целый день не притронулась к тарелке с похлёбкой, которую он ещё с утра выменял у Энни-посудомойки в обмен на то, чтоб собак спугнуть, которые на неё кидались, когда девушка отходы выносила с заднего двора. Собак туда кстати всегда он сам и загонял.

Парень к Мэри кинулся, ладонь ко лбу приложил и застонал громко – горячая. К себе притянуть хотел, поцеловать, успокоить...а потом почувствовал, как злость изнутри поднимается. На то, что знает, ни хрена это ей не поможет. Нет таких поцелуев, которые исцеляют. И слова такого нет, чтобы температуру согнать могло. Сказки это всё. Лекарства ей нужны. И еда хорошая. Нормальная. А не эти жалкие объедки, которые только и мог он достать. Деньги. Ему просто нужны деньги, и не имеет значения, как он достанет их.

– Я приду скоро, Мэр. Слышишь? Ты только дождись.

А она словно в бреду говорит что-то, еще больше сжалась в комочек. Натан пулей вылетел из подвала и под дождём остановился, думая, куда пойти. Так и ходил возле домов, выглядывая себе жертву, пока до таверны не дошел какой-то. Вспомнил, что всю ночь она работает, и притаился у самой стены под козырьком. Через час ожидания или около того наконец двери с трудом, но распахнулись, и оттуда вышел мужчина, шатаясь и громко ругаясь с кем-то. Натан шёл за ним несколько метров под проливным дождём, прикинув, что стена дождя должна скрыть его от чужих глаз. А затем размахнулся и ударил мужчину палкой прямо по спине, и когда тот с захлебнувшимся криком упал на живот, быстро обшарил его карманы и, выудив кошелек и золотую цепочку с крестом, убежал. Наутро он первым делом отправился к аптекарю и купил лекарства от жары и от кашля, а потом целую сумку еды. С силой поил её и кормил, заставляя есть и, стиснув зубы, убирая грязь, когда девочку рвало едой. А пока она спала, отбивался от других таких же бездомных детей, требовавших поделиться едой.

Через несколько дней девочка встала на ноги. А еще через год его Мэри загрызли собаки.

Наверное, правильно говорят, что каждый человек в нашей жизни даётся для какого-то урока. Мэри научила его выживать любой ценой. И тому, что нельзя привязываться к людям так, чтобы пришлось потом с мясом отдирать. Потому что потом на этом самом месте плоть, выеденная болью, больше не нарастает. Пустота. Вот что остается от тех, кого пришлось вырывать из самого сердца. И чем больше людей человек теряет, тем более пустым внутри он становится.

Спустя несколько лет Натан Дарк и создал свой Квартал бездомных, заняв полуразрушенные катакомбы вместе с десятками обездоленных детей.

...Четырнадцать лет спустя

Я знал, что она придёт. Даже догадывался, когда примерно должна прийти. Об этом переговаривались между собой копы, выводя одного за другим заключённых. Над кем-то должен был состояться суд, кого-то отпускали. И всё это под разговоры о том, что обнаружен ещё один мёртвый ребёнок. Что ж, для полиции это могло стать причиной отправить меня немедленно на свободу. Странно. Ведь я именно этого и хотел. А сейчас накатило нечто, похожее на сожаление, при мысли о том, что не увижу свою ослепительную, обжигающе красивую следовательницу.

И теперь я отсчитывал про себя минуты в ожидании Евы Арнольд. Чёрт...мне нравилось даже её имя. Жизнь. Так оно переводилось и чертовски ей шло. Потому что, когда на неё смотрел, чувствовал, как внутри оживает всё, медленно, очень медленно вплетается, подобно нитям паутины в ледяную тьму, которую привык ощущать в себе. Иногда казалось, что эта тьма живая. Казалось, что слышу, как она дышит под оболочкой меня самого. Как замораживает могильным холодом внутренности и покрывает инеем кости. И шипение... иногда просыпался среди ночи от того, что слышал, как он шипит, как зовёт меня. Тот мрак. Живой, но несущий с собой смерть. А эта женщина...она, да, своим присутствием вдевала эти нити в меня, переплетая их между собой в необычные рисунки из дьявольской похоти, восхищения и одновременно желания использовать эту красивую сучку в своих целях. И я уже знал, как я это сделаю и где. Единственное, что пока оставалось загадкой – как долго мне захочется...использовать её.

Где-то над головой послышались торопливые шаги и крики, слов я не разобрал, но понял главное – приехала та, кого я ждал. Встал со своего места и подошёл к решётке, не желая говорить с ней сидя. Только возвышаясь над моей хрупкой строгой следовательницей.

Кажется, раньше почувствовал её, чем шаги услышал. Глаза прикрыл, представляя, как опускаются стройные ножки, обтянутые до колена тёмной юбкой, по бетонным ступеням, как держится изящная тонкая ладонь за хлипкие деревянные перила. Склонил голову набок, чертыхнувшись, когда чей-то резкий окрик сверху помешал услышать стук её каблуков. Да, меня определённо раздражало, что нам постоянно мешали. Слишком много людей вокруг между мной и ею.

Ева остановилась, и я почувствовал едкое желание прибить того, кто отвлек её внимание на себя. Желание, накатывавшее каждый раз, когда кто-то вламывался своими грязными ботинками в наше с ней уединение.

Впрочем, это выбешивало не только из-за того, что хотелось голыми руками разодрать любого придурка с причиндалами между ног, но и потому что Ева Арнольд должна была убедиться в моей невиновности и выпустить из тюрьмы. И ради этого я был готов на всё сейчас. Чтобы после получить уже всё от неё.

Конечно, можно было это сделать гораздо проще, и как того требовали правила. Конечно, мне необязательно было спускаться в подвальное помещение полицейского участка, где держали заключённых. Один из полицейских скептически поднял брови, ухмыльнувшись и коснувшись двумя пальцами козырька фуражки, когда я сообщила ему, что поговорю с

Дарком в камере, а не в кабинете, как обычно. Впрочем, довольно ожидаемо и понятно – женщина в понятии многих из этих бравых офицеров должна была служить предметом интерьера, не более того. Красивым, удобным, подходящим по размеру, цвету и фактуре. В общем – вписывающимся в понятие любого мужчины об обстановке в доме.

Когда спускалась, думала о том, что мне на обратном пути рассказал о Дарке Люк. Пока ехали в машине обратно до участка.

«Всю дорогу я молчала, до боли сжимая пальцы и глядя в разукрашенный вызывающе яркими лампами город. Он шумит, он поёт и танцует, не обращая внимания на чью-то смерть или рождение. Город ревет автомобильными гудками и слепит разноцветными фонарями прямо в глаза в предвкушении Рождества. Траурная музыка звучит в отдельных домах, теряясь в какофонии праздничных мелодий.

– Послушай, – я повернула голову к заговорившему Люку, – не загружайся сейчас этим.

Усмехнулась, отворачиваясь снова к окну.

– А ты знаешь, чем я загружилась?

– Я догадываюсь. Я думаю, ты была права насчёт Натана. Нет, я всё ещё считаю, что придурка не нужно выпускать. Ему за его прошлые деяния можно было бы впаять пару лет.

– Что? – в ручку двери вцепилась пальцами, не веря своим ушам, – Была права?

– Да, я же знаю Дарка. И всю шайку его. Он по сути...ну не такой отбитый, чтобы детей маленьких...вот так. Не знаю, что на меня нашло. Мальчиков этих увидел...у самого сыновья растут, как представляю...и мурашки по коже.

Медленно к нему обернулась, не перебивая. Впервые о себе рассказывает. Впервые вообще без намёков, без уколов, без агрессии, тщательно скрытой, но всё же улавливаемой, говорит. Словно решил, что может доверять мне.

– Увидел, столько трупов изувеченных, и крышу снесло. Хоть и понимал умом – не мог он сделать такое. Дарк этот...он бездомным как родной. Особенно детям. Подбирал в свои катакомбы всех обездоленных. К нему ползли из муниципальной больницы сироты. Ползли, в прямом смысле слова, Ева. Не имея ног. Знали – через некоторое время их в приют отдадут, а там им конец придет. Зачем кормить недочеловека, если его паёк можно между собой разделить? А если и выдадут, то дети постарше отберут. Всегда отбирают они. Вот они и грызли землю, сами подыхали от боли, но находили какого-нибудь нищего прохожего или сердобольную медсестру и умоляли отвести к катакомбам в обмен на тарелку похлёбки. А не находили, так сами добирались. Передвигаясь на локтях. Трёх таких он у себя оставил. Конечно, недовольные были среди своих. Но...я не знаю...рты им он сразу закрывает. Авторитетом нерушимым у зверья этого обладает. Дети, конечно, воруют безбожно, ловили мы их не раз. Да так он и не отрицал никогда. Говорит, есть им что-то надо. Работы на всех нет. Ну, правда, он всё же гонял пацанят своих улицы мести, ботинки чистить или какую работу попроще делать. Всех, кто тринадцати старше, на стройку отправлял – кирпичи таскать. Мелочь, которую там получали, собирал и всю в общак клал. Из неё потом в «чёрные» дни, так они зиму называют, закупал еду на всех.

Взрослым разрешает в Квартале своём ютиться, если только каждый из них хотя бы одному ребенку поест с собой принесет – плата за съём жилья у него такая. Если кто взбрыкнет, получает нещадно. Жёсткий он. И избить может. Правда, детей не трогал, а вот взрослых – да.

– И что ж его, жесткого такого, не посадили до сих пор?

– А никто не признается. Знаем ведь, что он зверствовал. И порезать может. Отрубить пальцы, например, за то, что взрослый у девчонки мелкой отобрал кусок хлеба. Отрубил и выкинул на улицу в зиму. А тот притащился в больницу, плачет, в здоровой ладони пальцы свои сжимает, просит пришить, а кто сделал – не говорит. Знает, что, если выдаст, свои же убьют и глазом не моргнут.

Обхватила плечи руками, ощущая, как холодно вдруг стало в салоне автомобиля. Предчувствие беды приближается. Атакует, долбится в затылке головной болью, дрожью пальцев отдаётся. Странно. Рассказ Люка не успокоил всё равно. Возможно, потому что всё, что он поведал, я знала и так. Нет, не подробности. Но чувствовала инстинктивно, сидя напротив Натана в своем кабинете. Силу его чувствовала. И жестокость. Она в глазах его то загоралась, то потухала, вызывая желание убежать, спрятаться как от опасного хищника...и так же неумолимо заставляя тянуться к нему в попытках разгадать, в попытках для себя раскрыть, почему в глазах его наравне с ненавистью боль выступает. Не сострадание. Не жалость. А боль. Будто не жалеет он убитых мальчиков, а ощущает их агонию своей кожей.»

А сейчас остановилась перед камерой, и сердце замерло, когда увидела высокого темноволосого мужчину, стоящего по ту сторону решётки. Сильные пальцы впились в металлические прутья. И в голове вдруг пронеслось – ждёт. Не знаю, как...но вдруг с какой-то поражающей ясностью поняла, что он ждёт меня.

Приблизилась, остановившись в шаге от него.

– Уже знаешь, Дарк?

И сердце тут же забилося в бешеной, в дикой пляске, когда он резко распахнул невообразимо чёрные глаза и медленно улыбнулся, окинув ленивым взглядом меня с ног до головы.

– Намного больше, чем вы, мисс Арнольд.

Господи...как он это сделал? Как этот дерзкий...этот невероятно наглый хам произнес мою фамилию настолько чувственно, что у меня в животе словно рой бабочек разом вспорхнул, и так больно от трепыхания их тонких, почти прозрачных крыльев внутри. И в то же время страшно. Вдруг почему-то стало страшно, что они могут сломаться. Такие хрупкие и красивые, обязательно сломаются, стоит только прикоснуться к ним пальцами.

– Так, может, расскажешь мне то, чего я не знаю?

Слегка склонившись вперёд, выдыхая глубоко и мысленно накрывая бабочек стеклянным куполом, чтобы притихли, чтобы перестали биться в истерике предвкушения, и не мешали думать отстранённо, с холодной ясностью.

– А, Дарк? Может, прекратишь играть в свои жестокие игры, если на самом деле что-то знаешь, и мы спасём этих несчастных детей? Или все твои слова с просьбой о доверии – всего лишь бравада несчастного бродяги, который не знает, как ещё привлечь к себе внимание.

И застыть, ощутив, как изменилась погода в камере. Как повеяло холодом, и даже захотелось обхватить себя руками, чтобы согреться. Совсем как недавно в автомобиле Люка. Будто вернулось то самое предчувствие беды, но теперь оно смешано с яростью. Его яростью.

– Ты знал, что это произойдёт, так, Дарк? Ты знал, потому что ты не являешься убийцей, – шагнула к нему, усмехнувшись, когда в его глазах сверкнула молнией злость, – или потому что кто-то отводит моё внимание от тебя?

А он вдруг резко подался вперёд и меня за шею рукой схватил, притягивая к себе.

Вскрикнула, но он второй рукой закрыл мне рот и прошептал, глядя в глаза:

– Да я убью любого, кто отвлечёт ваше внимание от меня, мисс Арнольд. Любого. Кто. Отвлечёт.

В его плечи руками впилась, отталкивая и в то же время, словно замороженная, наблюдая за собственными действиями со стороны. Потому что не отпускает. Не позволяет отвернуться, удерживая взгляд своим, непроницаемым. И грудь сдавило невозможностью выдохнуть. И нет страха. Никакого страха перед ним. Какая-то странная, ничем не объяснимая уверенность, что этот мужчина не причинит мне вреда...пока что. Пока не считает нужным причинить.

Вонзилась зубами в его ладонь, не отпуская в ожидании, когда же этот самонадеянный ублюдок уберет руку, зашипит, закричит...я не знаю, как-нибудь, любым способом отреагирует. А он губы растянул в широкой, в безумной улыбке, и в глазах черти заплясали. И не отпускает. Словно вызов мне бросил. А я его приняла. Сильнее зубы сомкнула, пока не ощутила вкус его крови во рту. Сумасшедший...а он продолжает улыбаться, как обезумевший, будто ему эта боль удовольствие приносит.

– Ц-ц-ц-ц...мисс Арнольд. Разве вам не объясняли в детстве, что нельзя кусать несчастных бродяг – можно заразиться бешенством.

А затем этот псих резко выдрал свою ладонь, демонстративно облизнул кровь с неё, и, дёрнув меня за шею к себе, впился в мой рот поцелуем.

Губ её своими коснулся, и остолбенел, охреневший от того, как всё тело прострелило мощным разрядом возбуждения. Дьявол! Разве так бывает? Чтобы от одного прикосновения крышу снесло и хотелось повалить прямо на грязный каменный пол и отыметь эту чистенькую, источающую аромат корицы женщину с бархатной кожей, как драл самых дешевых, самых грязных шлюх? Хотя разве не застыл точно так же, увидев её в первый раз? Разве не подыхал все эти дни от желания коснуться хотя бы её запястья? А сейчас сминал жадно мягкие губы, раздвигал их языком, вжимая её в себя...и между нами долбаные металлические прутья, а мне кажется, они до предела накалились и сейчас прожгут ткань и плоть под ней. Ворваться языком в тёплую глубину её рта, ухмыльнувшись, потому что она позволила сделать это. Растерянная...или же согласная. Плевать. Совсем скоро её мнение не будет значить ничего.

Заставить себя отстраниться, потому что нужно, до боли нужно взгляд её увидеть, реакцию в себя впитать. Смотрит широко распахнутыми глазами, в которых изумление вперемешку с негодованием...и всё затянуто поволокой возбуждения, того же, которым у меня под кожей покалывает.

Взгляда отвести не могу от губ опухших и призывно открытого рта, обнажающего ровные белые зубы. Чёёёёёрт.

И, продолжая удерживать за шею и одновременно с этим поглаживать большим пальцем горло, прислониться своим лбом к её лбу, выдыхая через крепко стиснутые зубы.

– Нет, – глядя, как опускаются её веки, когда палец ныряет в ямочку между ключицами, – никаких игр...Ева. Открой эту грёбаную клетку, и я докажу тебе это.

И она медленно поднимает на меня взгляд, а в следующее мгновение кожа на моей щеке взрывается болью от хлесткой пощёчины.

Вздрыгнула, всё еще переводя дух после откровенно наглого поцелуя, когда услышала твёрдый приказ хриплым голосом. А в голове истерически бьется мысль о том, что это неправильно. Всё это. Вот так вот таять, прижимаясь к нему, чувствуя, как впиваются в тело прутья камеры и напрягаются, вытягиваются соски под тканью одежды, как опалило низ живота жаром. Моментально. Почти больно. Сдерживаться от стонов, когда сильные губы жадно накрывают мои, когда его язык грубо врывается в рот, сплетается с моим, властно пригибая его к низу. Мучительно сладко посасывает нижнюю губу, втягивая её в рот, чтобы в ответ на сорвавшийся предательский стон, ещё яростнее терзать, то прикусывая губы, то отстраняясь и проводя по ним языком, будто слизывая эту мою боль. Впиваться пальцами в его плечи, потому что я падаю... Господи, я ощущаю, как подгибаются колени, и держусь за него из последних сил. И те самые бабочки. Непослушные, неконтролируемые. Они дружной стаей взмывают вверх, ожесточенно хлопая тонкими крыльями, и сотни мурашек вслед за ними... вслед за его губами, за теплом его пальцев на моей коже.

Пока сквозь густой туман наваждения вдруг не накрывает пониманием, что он – задержанный. Ещё вчера я подозревала его в страшнейших преступлениях... ещё вчера всерьёз полагала, что могу ошибаться, и именно Натан Дарк безжалостно убивает маленьких детей, чтобы совершить затем с их телами омерзительные вещи. А уже сегодня позволяю ему подобное. Позволяю, неспособная управлять собственной реакцией на этого мужчину.

Но это понимание приходит не сразу. А когда он решил. Когда он отстранился, и марево возбуждения начало таять, начало испаряться, медленно, но исчезать

И этот повелительный тон в голосе, как ушат холодной воды. И слова... Боже, я на мгновение забыла, о чём мы говорили с ним до этого злополучного поцелуя, и подумала, что он совершенно о другом... или же этот мерзавец хотел, чтобы я так подумала.

Ударил его по щеке, с особым наслаждением глядя, как загорелись злостью глаза и заходили желваки. Явно не привык получать пощёчины от женщин.

Прошипела, схватив его руку, пальцы которой лежат на моей шее, по-прежнему поглаживая, но не сжимая. Легко, так легко, еле ощутимо, будто мне это кажется... но меня продолжает колотить от каждого тончайшего прикосновения, и хочется их сбросить с себя и одновременно страшно, почему-то страшно, что уберёт их сам.

– Что ты себе позволяешь? – сорвавшимся голосом, незнакомым, совершенно чужим.

– Для нас этот вопрос вскоре станет риторическим, не так ли?

А у самого в глазах злость усмешкой сменяется, и он всё же убирает ладонь. Правда, в тех же самых дьявольских глазах нет и тени поражения. А вот мне пришлось отступить назад, потому что даже сейчас, разорвав контакт, он возвышался надо мной, подавляя волю, заставляя напряжённо стискивать пальцы. Нервно облизнула губы, отводя взгляд, чтобы перевести дыхание. Потом. Потом я обязательно подумаю о том, почему реакция такая странная на него. Впервые такая реакция на мужчину. Росс... с ним было всё совершенно по-другому. Спокойно. Безмятежно. Слишком предсказуемо. С ним... Боже, иногда с ним приходилось изображать возбуждение. А этот... Этот сам и есть мятеж.

Но сейчас мне нужно было кое-что узнать у него.

Не смотря на него, но чувствуя, как прожигает меня тьма его глаз, прошлась перед дверью его клетки, собираясь с мыслями.

– О чём вы думаете, мисс Арнольд?

– О том, как приятно, когда подозреваемый обращается к следователю на «вы».

Не увидела, скорее, почувствовала, как улыбнулся и шёпотом протянул лениво:

– Мисс Арнольд, я с готовностью покажу вам гораздо более приятные вещи, которые может сделать подозреваемый со следователем.

Вот же!

Развернулась к нему на пятках, готовая повторно пощёчину влепить, и наткнулась на издевательски приподнятую бровь. Играет. Он, действительно, будто играет. Знает, что я скажу, что сделаю, что почувствую в ответ на его слова. Хуже...Боже, гораздо хуже. Он заставляет меня реагировать так, как нужно ему.

– А я смотрю, тебе доставляет это удовольствие?

– Что именно?

– Вот это вот...

– Что? Смущать вас? Злить? Смотреть, как окрашиваются румянцем негодования ваши скулы и лихорадочно блестят предвкушением глаза? Определённо да, Ева. Мне вообще доставляет удовольствие находиться рядом с вами тут.

– В таком случае, может, мне вовсе не отпускать тебя, Дарк?

– Если вы останетесь здесь со мной...

– Ты снова наглеешь.

– Я даже не начинал, мисс Арнольд.

Сверху шум раздался, будто уронили стул или что-то тяжёлое, и Натан голову кверху вскинул и застыл, глядя в потолок. А потом резко опустил её и посмотрел мне прямо в лицо.

– Делайте то, за чем пришли, госпожа следователь. Ведь вы не о здоровье моём поинтересоваться спустились.

Сказал тоном холодным, безразличным, будто только что это не он тут сжимал меня в своих объятиях и соблазнял самым наглым образом. Собран, рассматривает отстранённо прокушенную мной ладонь.

– Ты знаешь, за чем я пришла?

– Знаю, – кивнул в подтверждение своих же слов, – пришли принять мои условия сотрудничества...ну или же предложить свои. В любом случае, я согласен на всё.

– Ты даже не знаешь, что я именно потребу.

Дарк плечами пожал, засовывая руку в карманы брюк.

– Мне всё равно. Я сказал, я согласен на всё, чтобы выбраться из этой ямы и заняться своим расследованием.

– Нашим.

– Простите, я не расслышал, госпожа следователь.

– А точнее, моим, Дарк. Ты выйдешь отсюда только при условии того, что будешь отчитываться мне по каждой найденной улике. Только при условии, что я буду знать о каждом твоём шаге, Натан. Более того – ты должен будешь заранее согласовывать каждое своё действие со мной и только после моего одобрения совершать их. Или же мне легче продержат тебя здесь вплоть до окончания следствия.

– И уменьшить ваши шансы на успех вдвое? – снова усмешка эта его треклятая, но в глазах ни грамма веселья.

– Обвинения с тебя ещё окончательно не сняты, Дарк. Или ты принимаешь правила моей игры, или я прямо сейчас поднимаюсь в свой кабинет и забываю о твоём

существовании вплоть до суда.

– Только что, – сквозь плотно сжатые челюсти, и я с каким-то непривычным удовольствием понимаю, что он начинает выходить из себя, – вы только что были на месте убийства ещё одного ребенка, а я торчал запертым здесь! О каком суде речь?

– Выбор, Дарк. Я дала тебе выбор. Мы оба знаем, что список деяний, за которые можно тебя на несколько лет отправить в тюрьму, фактически бесконечный.

Он замолчал, застыл, внимательно разглядывая моё лицо, будто видя его впервые...или запоминая. Я не смогла определить. А потом коротко кивнул и произнёс со странной, нет, жуткой улыбкой, от которой мурашки поползли по спине.

– Будь по-вашему. Я согласен.

Выдохнула с облегчением, только сейчас ощутив, как сдавило грудь от тяжёлого ожидания. Достала из кармана пиджака ключ от его двери и вставила в замок, когда над ухом раздалось тихое и уверенное:

– Но это был ваш выбор, мисс Арнольд. Вы меня вынудили его принять. У вас же его совсем не будет.

Глава 7. Ева

Третий день я понятия не имела, где находится Натан Дарк, выпущенный нами из-под стражи. Под мою ответственность и благодаря решению, которое я приняла на свой страх и риск. Решению сотрудничать с тем, кто имел на каждую ситуацию собственное мнение. Несносный упрямец. Почему я предположила, что он не только примет мои условия, но и будет соблюдать их? Наверное, потому что показалось – такой, как Натан Дарк, скорее, себя по горлу полоснёт ножом, чем позволит обесценить данное ими слово. Таких людей видно на расстоянии. Они не кичатся своим положением, не кричат о собственной порядочности или же, наоборот, не выставляют напоказ всё то тёмное, что живёт в них. Этим людям наплевать на мнение окружающих о себе. Они не привязываются ни к кому, потому что когда-то увидели, как легко развязывается любой, даже самый сложный, узел. Эти люди не считаются ни с кем и ни с чем, кроме собственных мыслей. Для них единственное правильное мнение – их собственное, а самое ценное время – их время, поэтому они никогда не будут тратить его на то, чтобы доказывать что бы то ни было кому бы то ни было. И именно поэтому они никогда не позволят себе нарушить своё же слово. В этом выражается их самоуважение. Натан Дарк был таким.

Поэтому сейчас я злилась на себя за то, что поверила ему...и тут же ругала себя за свои сомнения и отгоняла мысли, что Люк был прав: чтобы спасти свою шкуру, самые отъявленные преступники готовы часами петь о невинности...И тут же словно разрядом молнии – а ведь Дарк ни разу не сказал, что невиновен. Ни разу за те десять дней, что провёл под арестом. Он не признал своей вины, но и не отрицал её. И я всё ещё хоть и с тревогой, но ждала вести от Эммета, через которого он обещал мне сообщить все, что разузнает. На вопрос о том, кто такой Эммет и как мне его найти, мерзавец улыбнулся своей до невыносимого обольстительной улыбкой и сказал, что парнишка сам подойдет ко мне, как только у него появится важная информация.

Согласно нашему плану, Дарк должен был отправиться в городской приют, именно в нём когда-то жил один из убитых, и мои люди уже были там в ходе расследования, но тогда Люку не удалось ничего разузнать. Конечно, местный король бездомных был прав – полицию бедняки не любили. Тем более те, кому приходилось не раз и не два переступить закон, чтобы добыть себе пропитание. А вот своим, тому, кто оказывал непосредственную поддержку каждому обратившемуся нищему, они могли раскрыть многое.

Я бросила взгляд на бумаги, лежавшие на столе и почувствовала, как пульсация боли стала ритмичнее, усилилась. Виктор, последняя жертва маньяка, убегал несколько раз из своего нового дома. Правда, не в приют, а бродил по улицам, откуда его ловили и возвращали в семью. Его родители утверждали, что мальчик просто тяжело адаптировался к смене обстановки и новой жизни. Показывали его богато обставленную комнату с редкими и дорогими игрушками на полках, демонстрируя собственную щедрость.

«– Вот этот паровоз, – его приёмная мать вытерла уголки глаз кружевным платочком, – Гарольд привез Вику из Франции. Правда, он очарователен? Вик, – еле сдерживаемое рыдание, – очень любил играть в него. Пожалуй, больше, чем в другие игрушки. А эта машинка...

А я крутила в руках красивый тяжелый деревянный паровоз, окрашенный в темно-

зеленый цвет, и пыталась уловить, почему меня смущают ее слова. Что в них мне кажется неправильным...отдающим откровенной ложью...пока не понимаю – на любимой игрушке их приемного сына ни одной царапины, ни одного скола, ни одной потёртости. Будто его доставали со шкафа, заставленного игрушками, только для того, чтобы протереть пыль.

Но зачем женщине обманывать в таких мелочах? Зачем придумывать несуществующие факты об убитом ребенке? Запрос в больницу о количестве и причинах визитов к ним Виктора Хэнкса ничего не дал. Семейный доктор, адрес которого дала миссис Хэнкс, так же категорично заявлял, что проблем со здоровьем у ребенка не было. Он грустно улыбался, протирая очки за чашечкой чая, рассказывая о том, как изменилась на его глазах семья Хэнкс после усыновления мальчика.

Ничего существенного...если бы не одно «но». Все остальные дети тоже убегали или делали попытки сбежать из дома. В некоторых случаях об этом мы узнали из материалов полиции, в некоторых – от соседей или же прислуги.

А пока я понятия не имела, что творилось в этих семьях, но точно знала одно – для ребенка нет ничего страшнее, чем оказаться наедине с монстрами внешнего мира. Без поддержки, без заботливой и сильной руки родителей, без ощущения защиты. И навряд ли, детский приют, а тем более улица могла дать им всё это.

И я упорно старалась не думать о том, что гораздо более худшие монстры могли ждать их дома. Старалась, но всё же поручила Люку собрать показания всех соседей, одноклассников и друзей убитых об отношениях тех с приёмными родителями.

Чёрт... холодный пот градом по спине вместе со спазмами в висках. Сжала пальцами виски, закрывая глаза и выдыхая через рот, чувствуя, как приближается паника. Мрачная. Похожая на беззвездную ночь, когда сам воздух становится продолжением черной бездны неба, и каждый вздох причиняет боль, потому что эта бездна давит на грудь, сжимает её так сильно, что кажется, разорвет пополам. Предчувствие беды, и я боюсь...я до ужаса боюсь услышать телефонный звонок, а в трубке – обречённый голос Люка. Прошлась по комнате, массируя пальцами виски и вспоминая, как когда-то совсем маленькой смотрела на свою мать, вот так же мерявшую шагами спальню и прижимавшую руки к голове в попытках унять постоянные боли. Она принимала различные таблетки и порошки от мигрени, которые стояли на её трюмо рядом с косметическими средствами, а также приказывала Марии готовить различные отвары и настойки из длинного списка, который ей оставлял наш доктор. Каждый раз, когда приходилось заходить в её комнату, я старалась не дышать носом от запаха лекарств, который там витал, и ещё долго мне мерещилось, что от меня самой воняет ими. Я прибежала в детскую и начинала лихорадочно стягивать с себя вещи под причитания гувернантки, только чтобы не ощущать на себе эту мерзкую вонь. Для меня она ассоциировалась с беспомощностью.

Вышла на кухню в поисках своего средства. Горячий шоколад. Моё любимое лакомство. Как лучшее воспоминание из детства. Я и отец. Вдвоем в огромной кухне. Он только что отпустил Марию, сказав, что сам приготовит для своей любимой девочки шоколад. Счастливые мгновения, которых я ждала с самого утра, мучая миссис Хагрид вопросами, сколько времени и когда должен прийти папа. Чтобы вот так стоять рядом с ним у плиты и смотреть, как он закатывает рукава своей рубашки и берется за небольшую кастрюлю с длинной ручкой.

– Рано ещё, Конфетка, – ласково подмигнув, когда я протягивала ему свою чашку в

нетерпении, – учись, потому что когда-нибудь уже ты мне будешь его варить. Будешь же, м?

Я радостно кивала головой, не отрывая взгляда от сильных длинных пальцев, размещивавших ложкой шоколад с молоком. Плавными медленными заворачивавшими движениями.

Считая про себя секунды до момента, когда он скамандует: «Сахар», чтобы с важным видом подвинуть к нему сахарницу.

– Буду. Сама буду. Даже Марии не позволю тебе его готовить.

– Всё верно, моя девочка.

– И маме.

И тут же прикусить язык, потому что рука папы напряженно застывает, а на лице появляется неестественная, ненавистная искусственная улыбка. Потом, через несколько лет я пойму, что это была его привычная реакция на упоминание о ней. А тогда мне хотелось услышать неспешный стук ее каблучков, мама всегда носила туфли, даже дома, даже в своей спальне. Она всегда меняла платье к обеду и никогда не надевала один и тот же наряд в течение двух-трёх недель. Мне кажется, я ни разу не видела свою мать без элегантной высокой причёски, обнажавшей её изящную шею и подобранные со вкусом серьги. Любой, кто входил в наш дом и знакомился с мамой впервые, восхищался её неземной красотой: тёмными волосами, ярко-синими глазами и молочной кожей. Отец рассказывал, что сначала влюбился в ослепительную улыбку дочери своего партнера по предприятию, Ингрид, и лишь после – в неё саму. И я не могла сомневаться в его словах. Я помнила каждый комплимент, который мама принимала с этой улыбкой на губах, протягивая свою холёную ручку для поцелуя и тихо благодаря за него. Помнила, потому что ненавидела каждого, кто говорил их. Всех, кроме отца, конечно. Ненавидела, потому что так она улыбалась им. И никогда – мне.

Мне доставались другие улыбки, растерянные, раздражительные, сопровождавшиеся лихорадочным поиском в глазах няни рядом со мной, прислуги или отца. Любого другого человека, которому можно было приказать или же попросить «забрать девочку». Так чаще всего она называла меня, когда в нашем доме не было гостей. Только при них она вспоминала как моё имя, так и о моём существовании вообще.

Я пригубила напиток, приятно обжегший губы. Да, в минуты паники мне казалось, что я замерзаю. Точнее, я чувствовала, как покрывает тело холодом, и в висках пронзительно воет ветер.

Мама любила говорить обо мне со своими подругами. Но только в особом ключе – перечисляя все казавшиеся в ее глазах важными достижения.

«Учитель просто в восторге от способностей Евы к языкам...Ева, как будет на французском «булочка»?»

«Ева, сыграй нам на пианино...о, да, Ева выучила новую песню, вы обязательно должны её услышать сегодня...»

«Она просто изумительно рисует. Вы ведь помните, ей преподает это искусство сам Гарри Веллитон? Так вот он просто в восторге от её картин...Ева, принеси свою последнюю работу, дорогая.»

Она не знала, что и песня, и картина, и новая пьеса, которую я рассказывала подобно цирковой обезьяне, её гостям, потом отправлялись на свалку, чтобы не мозолить глаза доказательствами моего унижения.

Вначале, правда, я старательно приносила лучшие работы, выдавливая широкую

улыбку, проводя пальцами по черно-белым клавишам, в надежде поймать такую же, обращённую к себе.

Вот только ничто не разрушается с такой болью, как детские иллюзии. Именно они ранят острее, впиваются глубже, оставляя рваные надрезы в самом сердце.

Иногда, чтобы сердце истекало кровью недостаточно потерять того, кого любишь. Иногда довольно и того, чтобы тебя не любил тот, кто рядом физически. На расстоянии протянутой руки. Потому что, сколько ни протягивай руку к нему, она проваливается в пустоту. Но самое страшное – это не разочароваться, увидев эту самую пустоту в человеке. Самое страшное – это наблюдать, как она медленно, но верно поглощает его, как он растворяется в ней для тебя, не оставляя даже маленькой молекулы себя. Потому что тогда ты перестаешь ощущать даже разочарование. Абсолютное ничто. Вот кем стала для меня Ингрид Арнольд. Моя мать.

Ещё один глоток, откинувшись на спинку кресла, наслаждаясь ощущением тягучей мягкости, обволакивающей горло, дрожащей на кончике языка насыщенным вкусом шоколада и корицы. И вдруг ощутить, как всё тело прострелило от воспоминания, и в голове раздался бархатный глубокий голос «Корицей. От вас пахнет корицей. Я люблю этот аромат». А по телу волной жар прокатился от этих слов, и перед глазами его взгляд, прищуренный, напряжённый.

Откровенно изумлённый, словно он сам поражён своей реакцией, но там, по ободку чёрного зрачка, уже змеится нечто похожее на предвкушение, и этот наглец даже ведь не пытается скрыть его! Напротив, ему словно доставляет несказанное удовольствие заставить меня врасплох, привести в замешательство и наблюдать, как яотреагирую на те или иные его провокации.

Резко встала, приложив ладони к щекам, отгоняя непрошеное воспоминание, чувствуя, как перехватывает дыхание от жара. Нужно распахнуть окно, впустить холодный воздух, чтобы не чувствовать, как это тепло проникает под самую кожу, заставляет покрываться мурашками тело.

Где же ты, Натан Дарк? Вскрытие последней жертвы ничего нового нам не показало. Всё как обычно, как предыдущие случаи, включая сексуальный контакт после смерти. Что же за животное способно на это? И почему оно убивает и только потом делает свою омерзительную работу? Почему вырезает слёзы на лицах этих детей? Чьи слёзы так не дают ему покоя? Любит он эти слёзы или ненавидит так, чтобы «запечатлеть» их?

И невольным воспоминанием – моя мама, сидящая перед трюмо. Она смотрит в широкое зеркало, украшенное по всему периметру вырезанными деревянными цветами. Мама недовольно хмурится, дотрагиваясь кончиками пальцев до уголков своих губ. В её руке какая-то маленькая баночка, она опускает два пальца в неё, чтобы после осторожно коснуться ими своего лица. Наклоняет голову, улыбаясь своим отражению, а у меня захватывает дух – какая же она красивая сейчас, вот с этой улыбкой, настоящей, не притворной, которой она пользуется с другими...и со мной. И тут же закусить губу от досады, потому что открывается дверь в её комнату, и мама отворачивается, а я её не вижу.

– Ингрид, дорогая, – глубокий голос отца заполняет комнату, и я вжимаюсь в заднюю стенку шкафа, в котором спряталась от своей няни ещё во время игры в прятки и откуда хотела убежать, когда мама выйдет. И в то же время сердце радостно застучало, и я даже прижала ладонь к груди, испугавшись, что они могут услышать его. Папа вернулся! Его не

было больше десяти дней.

– Марк, – голос мамы слегка...разочарован, она снова поворачивается к зеркалу, – ты приехал раньше, чем говорил. Я ждала тебя только послезавтра.

Я даже услышала, как остановился отец. Так бывает, когда в помещении очень тихо, так тихо, что кажется можно услышать, как течёт время. Я всё ещё не видела его, но представила себе, как он остановился, словно вкопанный, в середине комнаты. Но мой папа всегда был очень умным и сильным мужчиной. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и продолжить путь.

– Я решил сделать для вас с Конфеткой сюрприз, тем более что все проблемы уладил раньше намеченного срока.

На мамином лице отразилось раздражение, она нахмурилась и посмотрела с укоризной на отца через зеркало.

– Не называй её так. У твоей дочери есть очень красивое имя.

– Ей нравится, когда я её так зову, – силуэт отца появился сбоку от трюмо, и я увидела, как он пожал плечами, засунув ладони в карман пиджака.

– Она ещё ребёнок и многого не понимает. Например, того, как вульгарно звучит это... это прозвище.

– Она всего лишь маленький ребёнок, Ингрид.

– Восемь лет – это уже не маленькая.

– К чёрту!

Отец резко шагнул к маме и склонился к ней, загораживая своей спиной мне обзор, и я даже испугалась, потому что он вдруг рывком прижал её к себе.

– Иди ко мне, дорогая, я так соскучился. Я всю дорогу в поезде думал о том, как...

– Марк...Маарк, – звуки тихой борьбы, перемежающиеся с громкими звуками поцелуев, – Марк, отпусти меня.

Маме удается оттолкнуть его от себя. Она тяжело дышит и растрёпана. Повернулась к зеркалу и поправила причёску.

– Можно подумать, ты не видел, что я уже готовилась ко сну.

– Я соскучился, Ингрид!

Я никогда не слышала в тоне отца такой откровенной злости, и она заставила напрячься. Заставила стиснуть пальцы в желании выбежать из маминого шкафа...но я понятия не имела, что должна сделать дальше. Я плохо понимала, чего хотел отец, и привыкла, что мама редко выполняет наши с ним просьбы. Но я точно помнила, как сильно испугалась за мать. В первый и в последний раз. Папа был таким большим рядом с ней, хрупкой и изящной.

– Я соскучился, и мне плевать на всю твою косметику. Меня не было дома чертову уйму времени, а ты встречаешь меня как чужого?

– Я очень рада твоему приезду, Марк, – мама встала со своего места, – но это не значит, что я буду бросаться в твои объятия по первому же требованию!

– Дьявол! Ты – моя жена! Ты должна именно это и делать.

– Завтра утром у нас ожидаются гости. Это даже хорошо, что ты приехал сегодня. На приёме будет и Тиллерсон, договоришься с ним по поводу земельного участка под строительство, – мама пошла в сторону двери, остановившись, чтобы бросить ему напоследок, – Все свои обязанности в качестве жены я выполняю на должном уровне, ты не можешь отрицать этого, Арнольд.

– Да плевать я хотел на эти обязанности. Мне женщина нужна! Женщина! А не

секретарь. Понимаешь?

– Ну так найди её себе. Но так, чтобы об этом никто не узнал, – я закрыла глаза, представив, как она безразлично пожала плечами. Точно таким же тоном она разговаривала со мной.

Послышался звук закрываемой двери, и я прижала ладони ко рту. Я мало что поняла из этого разговора. Лишь смотрела широко открытыми глазами на то, как отец стоял, склонив голову вниз и глядя куда-то себе под ноги. Такой сильный обычно, папа в этот момент казался побеждённым. Потом вдруг резко закричал и снёс ладонью все баночки с маминого трюмо...и я закричала от испуга. Потому что никогда не видела его таким. Всегда – только хладнокровным, уравновешенным с другими. А через минуту дверь шкафа полностью распахнулась, и отец глухо застонал, опускаясь ко мне.

– Эй, Конфетка, – прижал к себе, утыкаясь в мою макушку губами, – ты в прятки играешь? А мы тебя обыскались уже.

Детям всегда трудно вставать на сторону кого-то из родителей. В их голове не укладывается, как можно выбирать мать или отца, и даже если с одним они проводят больше времени, любовь к другому является своеобразной константой. Чем-то настолько естественным, само собой являющимся, что постановка подобного выбора перед ними кажется кощунственной.

[Купить полную версию книги](#)